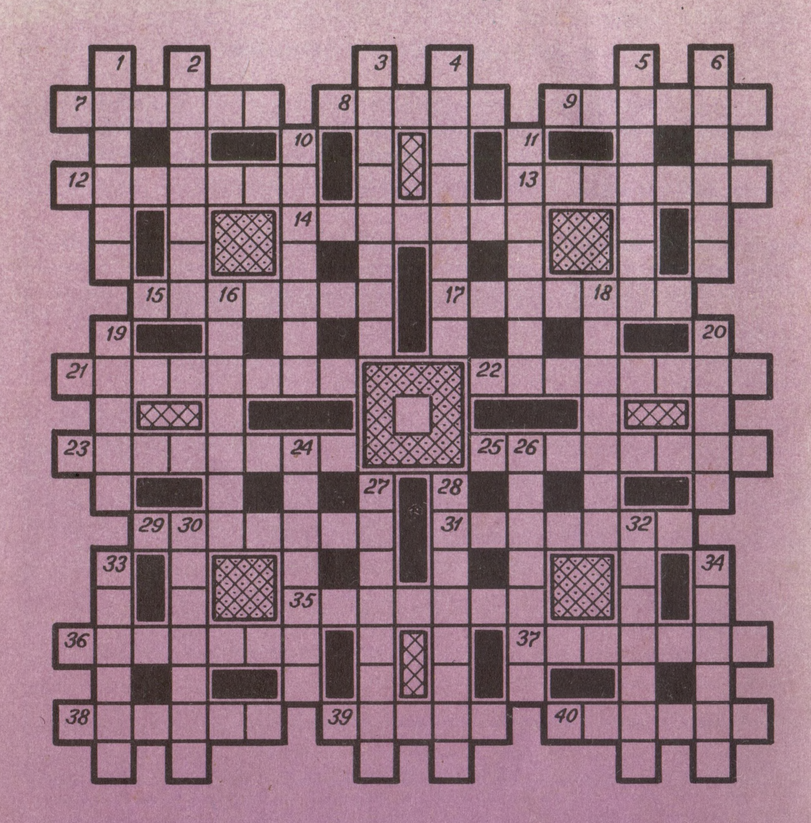
Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

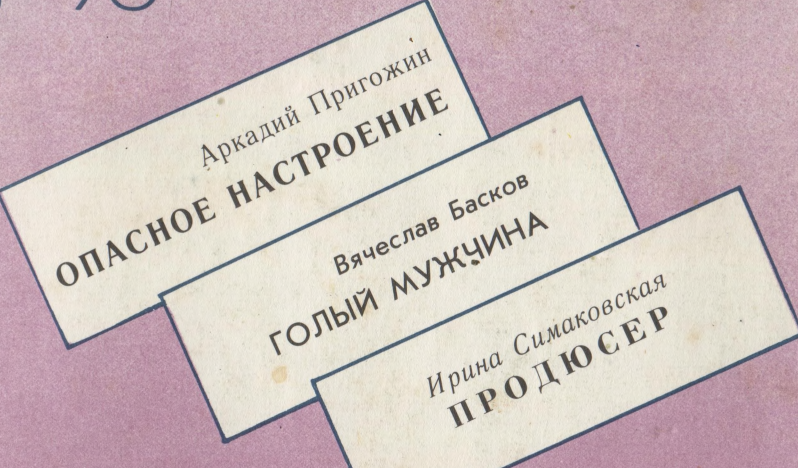
По горизонтали. 7. Нравственность. 8. Электронная лампа. 9. Искусный наездник. 12. Русская народная игра. 13. Героиня оперы М. И. Глинки. 14. Спортивный коллектив. 15. Искусственный водоем. 17. Творческое соревнование. 21. Повесть М. Ю. Лермонтова. 22. Болгарская разменная монета. 23. Короткая комическая пьеса. 25. Роман датского писателя К. Беккера. 29. Недостаток времени для обдумывания шахматного хода. 31. Перерыв между действиями спектакля. 35. Увертюра Бетховена. 36. Арифметическое действие. 37. Минеральная вода. 38. Строительный материал. 39. Система мелких заливов в Крыму. 40. Предприятие по добыче полезных ископаемых.

По вертикали. 1. Древнерусская мера длины. 2. Газетный жанр. 3. Часть произведения искусства. 4. Наука о растениях. 5. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности и проходящий через ее центр. 6. Немецкий поэт и драматург XVIII—XIX вв. 10. Английский писатель XIX в. 11. Духовой музыкальный инструмент. 16. Опера И. Ф. Стравинского. 18. Морской моллюск. 19. Воодушевление, подъем. 20. Материя. 24. Народный австро-немецкий танец. 26. Актриса театра и кино, народная артистка СССР. 27. Здание, постройка. 28. Самозаписывающий барометр. 30. Муза, покровительница лирической поэзии и музыки. 32. Небольшой жилой благоустроенный дом в пригороде. 33. Жанр лирической поэзии. 34. Период сдачи экзаменов в учебном заведении.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

ГОРИЗОНТ

2 • 90 Общественно-политический ежемесячник

Живопись Дмитрия Краснопевцева

Статьи
Анатолия БУТЕНКО,
Вячеслава ДОЛГАНОВА,
Бориса ПИНСКЕРА

Лидия Чуковская
ОТРАВЛЕНИЕ ЛОЖЬЮ

СТРАШНЫЙ ГОД
Борис Пастернак в 1937-м...

Самый важный до сих пор результат перестройки —... это раскрепощение общества, благодаря чему миллионы советских людей обрели гражданское достоинство и берут в свои руки управление государством. Такая тенденция будет нарастать, и в ней, в конечном счете, залог успеха всей начатой партией работы и отнюдь не повод для паники. Идет процесс становления и формирования новых экономических, политических структур. Это также создает благотворную среду для активности народа, развертывания и углубления перестроечных процессов во всех сферах жизни.

Из доклада М. С. ГОРБАЧЕВА
на Пленуме Центрального
Комитета КПСС
5 февраля 1990 года

2 (471) •90 | **ГОРИЗОНТ**

Общественно-политический ежемесячник

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 29.12.89. Подписано к печати 16.02.90. Л23025. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,87. Тираж 100 000 экз. Заказ 502. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302020800-283}{М172(03)-90}$ Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

Перестройка: дела, проблемы, люди

Вячеслав Долганов. «ЗАВТРА БУДЕТ БОЙ...»? 2
Аркадий Пригожин. ОПАСНОЕ НАСТРОЕНИЕ 9
Анатолий Бутенко. ВОЗМОЖНОСТИ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ УПУСТИТЬ. (На полях полемики) 15

Литература и искусство

Дмитрий Краснопевцев. ИЗ ЗАПИСОК ХУДОЖНИКА 16

Экономика и мы

Борис Пинскер. ИНФЛЯЦИОВИДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ИЛИ ИНФЛЯЦИЯ? 23
Вячеслав Басков. ГОЛЫЙ МУЖЧИНА 31

Страницы истории

Елена Пастернак. СТРАШНЫЙ ГОД 40

Открытое слово

Лидия Чуковская. ОТРАВЛЕНИЕ ЛОЖЬЮ. (Из книги «Процесс исключения») 44

Москва и москвичи

Ирина Симаковская. ПРОДЮСЕР 58

На вкладках: живопись Дмитрия Краснопевцева

Вячеслав ДОЛГАНОВ

«ЗАВТРА БУДЕТ БОЙ...»!

Небесспорные заметки о наших сбывшихся и несбывшихся надеждах на второй Съезд народных депутатов СССР

История — дама спокойная: все равно все уже случилось, ничего не переиграешь заново. И ее служители могут с высоты десятилетий и веков судить о прошлых поколениях, прикидывать ради игры ума, что вот это могло от какой-то точки пойти и так и этак, а вот здесь главнокомандующему стоило не беречь засадный полк — сразу кинуть его в дело: глядишь, и битва была бы выиграна...

Историки могут позволить себе отстраненное спокойствие и полное отсутствие эмоций. Речь-то идет о годах невозвратных, о людях неведомых и незнакомых. С ними не жить, не ходить вместе на службу, не любить и не ссориться. Время сближает эпохи. И очень может быть, что когда-то впоследствии наши весьма отдаленные потомки будут слабо отличать злодея в короне от тирана в защитном кителе, что для них будут на одно лицо облепивший себя с головы до пят наградами «герой», взаправду и не нюхавший пороха, и кто-то из его последователей, пекущихся сегодня об одном: чтобы речи о новой жизни так и остались речами, чтобы вновь потихоньку, незаметно народ повернул назад, а потом выстроился в колонны энтузиастов и мечтателей (и мечтал, мечтал, мечтал, не видя и не слыша ничего вокруг), естественно, с помощью единственно верных и мудрых команд тех, кто все знает и всех ведет, кому раз и навсегда открыта, доступна, подвластна истина. А потом...

Что бывает потом, мы, слава богу, уже проходили в кровавых, нищенских, полных одних только бед и лишений университетах жизни, когда поколение за поколением, отказывая себе во всем, оставляя за собой путь, усеянный костями так, что никакой некрасовской железной дороги и не снилось, тихо вздыхали: «Хоть бы дети пожили, если уж нам не пришлось». А еще: «Пусть только б хуже не стало... И войны чтобы не было...»

Разглядит ли далекий исследователь наших дней эти изможденные, всегда без улыбки и радости в глазах лица? Увидит ли нас с вами? Наших родителей? Мою мать, которая после выпускного вечера вместе со всем классом ушла добровольно на фронт (трое — всего трое из тридцати двух! — встретились в 45-м) и не дожила до пенсии с помощью нашей самой лучшей и самой бесплатной медицины? Деда моего одноклассника Сережи, который и сына-то увидел спустя двадцать пять лет со дня его рождения? Несчастного старика в вытертом кительке с нашивками за ранения и скромными солдатскими наградами: стоит у метро с портретом вождя и плакатиком «За что проливали кровь?»

Впрочем, каждый, наверное, вспомнит какие-то свои, ему самому дорогие или просто знакомые лица. Лица, которые глядят на нас каждый день — кто так, а кто с едва различимой пожелтевшей паспортной карточки. И потому в отличие от историков будущего мы переживаем за каждый день своей жизни — эти песочные часы текут куда быстрее, чем сменяются концепции, программы и конституции, лидеры и направления, «исторические» планы и «решительные» повороты с постоянным «уточнением генерального курса», которых уже на мое поколение — людей, которым около или чуть больше сорока,— выпало несколько.

Мы ждем. Все и постоянно. Лучшего будущего. Повышения зарплаты. Победы «светлых завтрашних идей». Очередного повышения цен и очередного дефицита, который родится в недрах нашей и до сегодня экономнейшей из экономик. Мы ждем со смешанными страхом и надеждой. И чего больше — не скажут, наверное, даже Чумак с Кашпировским. А в общем-то все укладывается в очень простую и доступную разуму формулу. Мы хотим просто жить, не бороться, преодолевая «болезни роста», «козни империалистов», «происки внутренних врагов и саботажников», а жить, жить, жить — работать и получать за это честно заработанное, не тратить миллиардо-человеко-годы в изматывающих очередях, спокойно растить детей, не ожидая завтра на рассвете грохота в дверь...

И потому так связаны наши ожидания с каждым просветом в безрадостных наших (кого обманем, если возразим против этого?) буднях. И потому апрель-85 — об этом сказано уже все, что можно было сказать,— стал для нас действительно Весной. С позиций ее прихода и начался отсчет наших новых чаяний. Всякого повидавшие, всякому наученные, не устаем надеяться.

Надеялись и на 21 заседание, которые провел в Кремлевском Дворце съездов второй Съезд народных депутатов СССР, хотя очень поубавилось у народа эйфории с момента завершения выборов, с дней первого Съезда (у многих — даже по данным наших изящных, всегда готовых сказать приятное слово социологов,— родили разочарование сессии Верховного Совета, ходившие вокруг да около главного).

Не знаю, как у вас, уважаемый читатель, но у меня самое главное и самое горькое воспоминание связано с опустевшим депутатским креслом в пятом ряду зала КДС. Уже на второй день работы Съезда не стало человека, которого многие называли совестью нации, умом и честью народа. Нас научили не преувеличивать роль личности в истории, но это, по-моему, была та личность, в отсутствие которой сама история может стать ниже ростом.

Андрей Дмитриевич Сахаров раздражал при жизни многих. И, убежден, многие в съездовском зале облегченно вздохнули, не увидев больше его — рано постаревшего, бочком, неловко как-то пробирающегося к микрофону (и попробуй не дать ему слова! — пожалуй, только у него, единственного из депутатов, была эта выстраданная всей жизнью возможность). Но всегда и во всем непреклонного, убеждающего железной логикой даже тех, кто готов голосовать, как прикажут или изволят, кто шикал, шипел и мяукал, когда он говорил.

Обруганный за несколько дней до смерти нашей прессой — она, по замечаниям многих, становится все более полугласной, он успел оставить множество неопубликованных интервью, проектов и даже собственный вариант Конституции СССР, недавно увидевший свет в ряде изданий, в том числе в «Горизонте». А за что обруганный? По старой традиции мы узнали, что где-то там он выступил, что-то не так сказал, к чему-то не этакому призывал. Текст, разумеется, как всегда (чтоб не испортить нас, не развратить политически) опубликован не был. А он стоит того, чтобы быть приведенным полностью. И подписан не

В. Долганов — парламентский корреспондент газеты «Известия».

одним А. Д. Сахаровым — еще пятью народными депутатами: В. А. Тихоновым, Г. Х. Поповым, А. Н. Мурашовым, Ю. Н. Афанасьевым и Ю. Д. Черниченко (последний через прессу отказался от последних трех абзацев, так и не прояснив: подписывал он или нет этот документ в целом).

Итак, последнее обращение Сахарова:

«Дорогие соотечественники! Перестройка в нашей стране встречает организованное сопротивление.

Откладывается принятие основных экономических законов — о собственности, о предприятиях и важнейшего закона о земле, который дал бы наконец крестьянину возможность быть хозяином. Верховный Совет не включил в повестку дня Съезда обсуждение статьи 6 Конституции СССР.

Если не будет принят закон о земле, пропадет еще один сельскохозяйственный год. Если не будут приняты законы о собственности и предприятии, по-прежнему министерства и ведомства будут командовать и разорять страну. Если статья 6 не будет изъята из Конституции, кризис доверия к руководству государства и партии будет нарастать.

Мы призываем всех трудящихся страны — рабочих и крестьян, интеллигенцию,— учащихся выразить свою волю и провести 11 декабря 1989 года с 10 до 12 часов по московскому времени всеобщую политическую предупредительную забастовку с требованием включить в повестку дня второго Съезда народных депутатов СССР обсуждение законов о земле, собственности, предприятии и статьи 6 Конституции.

Создавайте на предприятиях и в учреждениях, колхозах и совхозах, учебных заведениях комитеты по проведению этой забастовки!

СОБСТВЕННОСТЬ — НАРОДУ! ЗЕМЛЯ — КРЕСТЬЯНАМ! ЗАВОДЫ — РАБОЧИМ! ВСЯ ВЛАСТЬ — СОВЕТАМ!»

И подписи.

Оставим вопрос о забастовках историкам — тем более что кое-где они состоялись. Оставим им рассуждать о правомерности или неправомерности подобных призывов со стороны достаточно популярных и известных в народе политических деятелей — народных депутатов. Обратимся к сути, памятуя очень и очень сложный экономический, социальный, политический фон, на котором разворачивались те самые 12 дней, которые, думается, не потрясли мир,— да не обвинит меня недобросовестный критик в желании «сотрясать устои» и дестабилизировать и без того расшатанную обстановку в стране: я сам, как и многие, ждал потрясений-открытий, потрясений-поисков, потрясений-эврик, способных всколыхнуть явно наметившуюся апатию общества, крепнущее под влиянием консолидирующихся антиперестройщиков неверие в возможность не то что принципиально новой жизни — вообще каких бы то ни было позитивных изменений в этой забытой богом, несчастной стране, живущей по законам и канонам полного отсутствия здравого смысла, неизвестно как до сих пор выжившей.

Дело руководства страны оценивать Съезд с позиций той политики, которую оно, руководство, избрало, проводит и отстаивает. А значит, и лучше знает, удались или не удались его задумки и планы. Оно ведь тоже может ошибаться. Мы с вами конечно же не претендуем на право владеть истиной. Но поскольку события еще не ушли в далекую историю, поскольку есть еще реальные шансы устоять, не отдать перемены людям вчерашнего и позавчерашнего дня в последней инстанции. Поразмышляем о втором Съезде с точки зрения тех событий, которые предшествовали заседаниям или последовали вслед за ними, хотя очень может быть, что могли и не последовать.

По долгу журналистской работы я почти полгода провел на Съездах и сессиях Верховного Совета, наблюдал практически все заседания, слышал почти все ожесточенные споры или, наоборот, вяло текущие дискуссии по вопросам, которые надо решать в государстве. Надо. Но, скорее всего, не сегодня, а завтра или даже послезавтра. А вот то, что очень и очень многие считают главным, неотложным...

Вновь заработали въехавшие в освобожденные министерствами апартаменты комитеты и комиссии Верховного Совета СССР. И гораздо чаще, чем до второго Съезда или во время второй сессии парламента, зазвучит на их заседаниях: «Срочно нужен закон о собственности... О предприятии... О земле... О налогообложении... О чрезвычайном положении...» И в это упирается практически все — разработка новых законодательных актов по деятельности Советов, градостроительству и градоустройству, промышленности и сельскому хозяйству, самостоятельности республик и регионов. И многое-многое другое. В первую очередь — стабилизация, хотя бы стабилизация обстановки в районах, которые на наших глазах превратились во фронтовые и где стороны ведут самые настоящие боевые действия с применением автоматического оружия, вертолетов, ракет класса «Земля — Земля».

И в этом, кстати, досужие умы поспешили, как и во многих других смертных грехах, обвинить перестройку. Мол, жили-поживали, а такого не видали. Но в перестройке ли дело? Или в том, что она действительно идет медленнее, чем требует сама жизнь, что мы даем собраться, объединиться, выработать новую стратегию и тактику всем тем, кому она будто нож в сердце, кто спит и видит Систему. Реанимированную. Омоложенную. Без морщин и старческого скрипа суставов.

Но так не бывает. И когда ответственный ныне за то, чтобы накормить всех нас, Е. К. Лигачев, а за ним — дружно, слаженно! — и «председательское колхозное лобби» требуют новых миллиардных вливаний в оживляемую десятилетиями, но так и не ожившую с момента своего рождения «сельскую новь», мне лично хочется спросить у них: а куда девались прежние — несчетные и несчитанные средства, вколоченные в грязь, в непродуктивную мамонтоподобную технику, в дополнение к рабскому, подневольному труду раскрестьяненного крестьянина? Где обещанные еще Отцом Народов блага «самого передового» колхозного устройства, растоптавшего не только самое себя и землю, разрушившего сотни тысяч деревень вместе с укладом и миллионами судеб? Ответ обычно дают туманный. И завершается он (десятилетиями же) одинаково: вот вы дайте, дайте, дайте, побольше дайте. И уж тогда...

Я вспомнил всего одну тему, одно направление второго Съезда, а уже на душе муторно стало. За двадцать лет газетной работы наездился, насмотрелся. На наше село, и селян в том числе. Ах, как не походили эти упитанные, причесанные, самоуверенные чиновники при земле (выйдет на трибуну — и чешет, чешет по написанному тексту без остановки) на знакомых мне трудяг в традиционных наших ватниках и кирзачах, с заскорузлыми от вечного, слабокормящего труда руками, с такими же вечными заботами о хлебе насущном...

Но были и другие эпизоды, не менее странные в нашей сегодняшней обстановке. Кто, например, придумал эти секционные заседания по обсуждению программы правительства? Кто низвел Съезд народных депутатов до уровня партхозактива или семинарской учебы районных кадров? Преувеличиваю? Нисколько. Потому что на этих секционных заседаниях абсолютное большинство из 162 выступающих (можно было и большую цифру нагнать для привычного «одобрям-с»)

в духе самых что ни на есть застойных времен шпарили по заготовленной в недрах аппарата шпаргалке годами обкатанные речи. И схема была у этих речей знакомая: лояльные заверения в поддержке политики партии и ее экономической работы, «трудящиеся нашего завода (колхоза, стройки, жилконторы) готовы отдать все силы», а дальше одно и то же, знакомое по уже упоминавшемуся колхозному сюжету Съезда: дайте, дайте, дайте... Цемент, хлопок, машины, трактора, стекло и бетон, лес и энергию, кирпич и зерно... Ну и в таком духе. Мотив был одинаков и у республиканского руководителя, и у рядовой строительницы, не сумевшей дочитать чужую шпаргалку до конца. Не разобрала. Случается. И в новой политической жизни — тоже.

Должен заметить: второй Съезд заметно отличался от первого невероятным количеством этих самых «читчиков» чужих мыслей. Где уж тут сравнивать даже с Верховным Советом, на заседаниях которого человек с бумажкой в руке выглядит по одному этому признаку как пришелец из прошлого. Нет собственных мыслей — молчи. Известный всему миру парламентский закон. Ведь не с программными докладами люди выступали...

Смотрю свой собственный газетный отчет с одного из заседаний Съезда: «Уже к первому перерыву стало ясно: многие депутаты обходили стороной главное — как оздоровить советскую экономику в целом, а предлагали частные мероприятия, призванные обеспечить интересы и нужды того или иного региона, района или даже села». Еще раз пролистываю стенографические отчеты. Да, увы, все правильно. Конструктивные и точно просчитанные выступления некоторых экономистов и специалистов-хозяйственников — отдельные, пусть и очень весомые, капли в словесном море. Так что же все-таки — обсуждена программа правительства? И по-новому?!

Следующий фрагмент газетного отчета. «Призвав спросить с каждого по делам и воздать каждому по заслугам, депутат Н. И. Кондратенко, председатель исполкома Краснодарского краевого Совета, заявил: люди устали от обещаний и разговоров, сбиты с толку, раздражены и злы. Характерные приметы сегодняшнего дня — пустые полки магазинов, постыдные талоны, невиданный размах инфляции, бешеный рост цен, десятки тысяч беженцев, а то и убитые: ставшие привычными забастовки и стачки, сотни железнодорожных составов, сгрудившихся на станционных путях, беспрецедентный разгул преступности...»

Все это, между прочим, руководящий товарищ Кондратенко впрямую связывал с происходящей в стране перестройкой. И буквально обрушился на «так называемых корифеев нашей экономической мысли», которые (очевидно, вслед за «японскими шпионами» и «вредителями», «космополитами» и зловещими врачами, губившими Отца Народов с его кремлевскими вертухаями) пытаются, дескать, столкнуть страну на путь капиталистического развития.

Сколько прозвучало их в съездовском зале — подобных выступлений с призывами бороться то с «разного рода контрой» (цитирую точно по стенограмме), то с «нарождающейся на шее трудового народа буржуазией», то с «учеными, объедающими народ»! И ведь что любопытно: шаманствовали, камлали с трибуны, били себя в грудь от имени народа не одни только «спецрабочие», просидевшие до дыр не первую пару платья в разных президиумах и на Съездах со слетами. Нет — еще и облеченные реальной властью на немалых пространствах местные руководители. И все адресовали «центру» (во всем — скрыто или явно — упрекали перестройку и ее лидеров. Было от чего затосковать...

А как именем того же народа восставали и рвали на себе рубаху, отстаивая «наши в боях и труде завоеванные идеалы и ценности», когда А. Н. Яковлев докладывал выводы комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года. Как терпеливо и трудно уговаривал Александр Николаевич зал: «Мы возвращаемся на здоровую нравственную основу. Поэтому наше решение будет не только политическим, но и нравственным». Возвратиться удалось со второй нелегкой попытки.

Вопросов к Съезду осталось немало. Почему, например, при первом голосовании решили давать в прямой эфир сообщение комиссии по тбилисским событиям, доклад А. А. Собчака и обсуждение, а вскоре переголосовали в обратную сторону? Почему канули то ли в песок, то ли в Лету многие предложения депутатов по повестке дня и даже законодательные инициативы, зато и на Съезде, и на сессии рассматривали преимущественно законопроекты, подготовленные исключительно правительством? Почему голосование по статье 6 дало одни результаты, а впоследствии в анонимных анкетах выявилась противоположная позиция большей части депутатов (соответствующие материалы опросов направлены каждому депутату уже после Съезда)?

И таких «почему», наверное, столько же, сколько и людей, совершенно искренне озабоченных и судьбой перестройки, и нашей собственной судьбой. Тут не разделишь — «или — или», тут дорога одна-единственная. А иначе... Не хочу предсказывать или даже представить, что может быть иначе.

Но пока, создается впечатление, и в конце «пятилетки перемен» мы находимся на раздорожье. И все время отстаем: в принятии необходимых законов и решений, в прогнозировании возможных общественных последствий уже принятых законодательных актов, в создании такого правового и управленческого механизма, при котором принятые акты становились бы сразу, немедленно действующими, работающими, а не пылились потом месяцами на министерских столах, ожидая рождения «постановлений о выполнении постановления».

А цена этого отставания... Съезд еще только рассматривает (в отсутствие в стране каких бы то ни было законов о чрезвычайном положении) меры по борьбе с организованной преступностью, а в Закавказье не без участия этой самой преступности уже завезено оружие, которое вот-вот заговорит. Съезд откладывает на потом решение вопроса о новых принципах существования нашей федерации, а уже несколько республик, идя на нарушение общесоюзной Конституции, пытаются по-своему решать проблему. И не реагируют на постановления из «центра», так как по вновь принятым законам этих республик союзное законодательство может вступить в силу только в том случае, если согласуется с республиканским. Съезд закрывает фактически глаза на проблему статьи 6, а тем временем в ходе предвыборной кампании по выдвижению и избранию депутатов республиканских и местных Советов открыто звучат призывы «к Советам без коммунистов».

И все же главные наши беды — не открою ничего нового, экономистами писаны-переписаны на эту тему целые тома — лежат в сфере экономики. И тут можно только искренне, по-человечески удивиться, как прошла съездовское «чистилище» и «райские врата» без кардинальных изменений программа оздоровления экономики, предложенная правительством. Да, в нормальной обстановке ей бы, наверное (все познается в сравнении), цены не было на фоне прошлых правительственных программ. Но ведь обстановка-то действительно чрезвычайная, мы видим это без всяких научных расчетов и выкладок, заходя

ежедневно во все пустеющие и пустеющие магазины. И разве не прав был депутат В. С. Адвадзе, заявивший: чрезвычайная ситуация в стране требовала столь же чрезвычайного доклада правительства и не менее чрезвычайных мер по спасению от кризиса, реально надвигающейся тени голода.

Давайте будем честны сами перед собой — в данном случае весь остальной мир можно и не брать в расчет. Что означают все более настойчивые требования членов правительства «дать возможность спокойно работать»? Не бастовать? Я за! Не допускать конфликтов и столкновений? Всей душой! Не подрывать веру у людей в перестройку и преобразования? Так я ведь, как и большинство соотечественников, сыт давним и недавним прошлым по горло, больше не хочу! Но ведь, оказывается, и критика — со стороны депутатов ли, прессы — тоже мешает.

Ну, хорошо. Мы все замолкаем на пятнадцать или сколько-то там еще месяцев. И даже более того — начинаем славословить по-старому, создавая новые внекритические зоны. Правительство тем временем делает все, что считает необходимым,— решения Съезда открывают ему простор как для популярных, так и для непопулярных в народе мер (для последних, как показывает «безгласное» и без утверждения Верховным Советом повышение цен на золото,— в гораздо большей степени). Но примем как аксиому: каждое решение является действительно точным и продуманным, идущим впереди событий.

А если нет? А если под аккомпанемент нашего молчания развал страны наберет новые темпы? Предпосылок ведь к этому предостаточно! Ну, у правительства есть возможность уйти в отставку (или его распустит Верховный Совет), зарплата даже у министерских чиновников чуток повыше нашей с вами средней общесоюзной... Но станет ли нам легче после их ухода? Кто и чем компенсирует наши очередные потери в очередном эксперименте, если к тому времени мы окажемся окончательно раздетыми и разутыми, голодными, без крыши над головой? Чем — бесплатной раздачей правительственных обещаний, опубликованных 15 месяцев назад?

Основные экономические законы не приняты. Фактически с административно-командной системой предполагается бороться методами... укрепления и дальнейшего развития той же системы. Без правовых рычагов рынка нам не видать — в лучшем случае потянем на небогатый базар, где имеющий толстый кошелек купит все, а нищий подержит свою корочку над шашлычным паром. Но законов нет. И в их отсутствие правительственная программа отводит 1990 год на раскачку: собрать с кого-то новые налоги, подготовить пресловутую материальную базу и т. д. Окончательный выбор между плановой экономикой и рынком не сделан — той плановой, как ее изначально понимают у нас, а не в развитых странах, где научились планировать, да еще как. И при этом перестраивать производство в соответствии с запросами рынка так, как нам и в самом светлом вещем сне пока не привидится.

Здесь, полагаю, уместно обратиться к прогнозам экономистов, которые могут кому-то нравиться, кому-то нет, но их предсказания последних лет и месяцев, увы (эти люди здесь ни при чем), постоянно сбываются. «Второй Съезд народных депутатов поддержал правительственную программу действий, в ней много безусловно полезного, обнадеживающего. Но она содержит одно капитальное «но»: ее недостаточно. Можно только надеяться, что, если все намеченное удастся выполнить, положение не ухудшится. А если не удастся — ухудшится непременно» (Н. Шмелев, первый номер «ЛГ» за этот год). А. В. Селюнин высказывается еще определеннее: «...в целом никакого оздоровления не ожидаю. Наоборот, предвидится ухудшение ситуации. И это не злопыхательство, а объективная раскладка, расчет, поскольку в экономике никаких реформ не происходит, о них лишь говорят» (там же).

Можно ли предвидеть ситуации, которые могут сложиться в недалеком будущем в таких условиях? Я лично не берусь. Скажу честно: страшно. Кто мог предвидеть вспышку озлобления в Чернигове, когда народ нашел в начальственной «Волге» мешок деликатесов? Или «водочный бунт» в Свердловске?

...За час или чуть больше до своей смерти Андрей Дмитриевич Сахаров успел сказать жене: «Завтра будет бой». Слова, обошедшие все издания мира. И я верю, я очень хочу верить, что это будет тот бой, который он надеялся дать плохо понимающему его Съезду — честный, парламентский, словесный.

В это надо, в это необходимо верить, когда не за семью горами, не за тридевять земель — на нашей советской земле полыхает самая настоящая война, громыхают залпы и взрывы, льется кровь.

Все еще можно остановить. Лишь бы нам вырваться хоть на шажок, хоть на полкорпуса вперед событий. Руководству. Парламенту. Новому Съезду и народным депутатам.

Нам всем. Без изъятия.

Аркадий Пригожин

ОПАСНОЕ НАСТРОЕНИЕ

По улице нашего города движется тяжелый снегоочиститель. Густо дымя бензиновым перегаром, он с натугой и рычанием перебрасывает груды грязного снега с проезжей части на тротуар. А там пешеходы что есть силы протаптывают в серых сугробах тропу, погружая и выдергивая из них ноги, балансируя руками в угрюмом танце. Кем стали они друг для друга, эти земляки и сограждане,— водитель уборочной машины и пешеход, встретивший его потом столь же «радушно» за прилавком магазина?

Что с характером?

Один из последних ныне мифов пропаганды достижений — «новый человек», якобы сформированный за эти десятилетия. В отличие от всех, менее совершенных и счастливых, он фантазировался как исключительно трудолюбивый и доброжелательный; он послушен партии, скор на «братскую помощь», не завидует никому на свете. Теперь по ходу перемен этот образ как-то тихо растворился и перестал туманить речь. Но мысль пока не прояснилась. Надо основательно изучить тот тип народного характера, который действительно сложился и преобладает в нашей стране.

Включенному же наблюдению открываются тревожные изменения в массовом поведении советского человека — в быту и в труде.

Прежде всего — это возросшая конфликтность в повседневной

А. И. Пригожин, доктор философских наук, заведующий лабораторией ВНИИ системных исследований.

жизни. Она накапливалась десятилетиями насилия над волей и разумом целых поколений, невероятным сочетанием фантастических обещаний и повсеместных ограничений. Злые, почти истероидные перебранки вспыхивают даже по мелким поводам на транспорте, у прилавка, в приемных, на улицах. Люди «заводятся с полоборота». Среди причин автомобильных аварий на первые места все чаще выходит именно взаимная нетерпимость, хамство. Попадая за границу, наш человек поначалу шарахается от машин у переходов (хотя те обязательно уступят пешеходу), а дежурную любезность в обслуживании принимают чуть ли не за особую доброту.

Обесценилась не только чужая личность, жизнь, но и собственная. Опубликованы цифры: уровень смертности от самоубийств в СССР примерно в три раза выше, чем в Англии и США.

Смотрите: детскими болезнями и жизнями наша система считает возможным расплачиваться за рост производства. Не только власти, министерства, но и население мирятся с геноцидными выбросами какой-нибудь «Лакокраски», ведь работают там родители местных ребятишек.

Глубоко укоренилось физическое угнетение личности. Избиения задержанных в милиции совсем не редкость и до сих пор. Не редкость и разгул жестокости в армейских казармах: без повода, лишь по дикому праву старшинства по сроку службы солдаты мучают друг друга, устойчиво передавая и с готовностью перенимая это право из года в год.

Униженный человек быстро переходит к слепой агрессивности.

Озлобление, готовность к насилию оборачивается кровавыми побоищами в Моршанске, Алапаевске, Казани, других городах. По темпам роста рэкет едва ли не опережает кооперативное движение. Национальные трения в Алма-Ате, Закавказье, Фергане не обошлись без жертв. Подобное общественное настроение имеет свои корни.

Конечно, уже гражданская война не могла обойтись без массового озлобления значительных масс населения. Такие войны взрывают внутренние связи, веками выращиваемые в народе. Раскол затронул семейные и соседские узы. Взаимная жестокость стала привычной.

Сталинизм снизил ценность личности до предела. Доносительство, подозрительность, страх поселили в людях чувство полной зависимости от безличных систем. Чингисхановское отношение к человеческой жизни сказалось и на методах ведения войны 1941—1945 гг. Раздвоение души от оскорбительной необходимости повторять лозунги, обратные правде жизни, иррациональная организация хозяйства приучили людей воспринимать абсурд как норму, покоряться ему. Наконец — общая неблагоустроенность жизни, необходимость постоянного добывания простейших товаров и услуг (это слово потеряло у нас подлинный смысл).

Почему важно об этом говорить? Такая направленность общественного настроения опасна вообще,— но особенно в переходные периоды, когда разочарование в прежних символах и неопределенность новых возбуждает беспокойство, метание от одной крайности к другой. Появляется острая потребность в ближайшем объекте ненависти — зловредном чужаке, от которого и можно вывести причины всех своих невзгод (агенты ЦРУ, бюрократы, жидомасоны, сторонники западной культуры и т. д.).

Надо понять, что взвинченная психика масс — самостоятельный фактор риска в нынешней ситуации. В таком состоянии реакция людей на самые благонамеренные действия властей малопредсказуема, может оказаться обратной той, что ожидается. Да и само по себе накопление безотчетной злобы грозит подойти к катастрофической черте.

Уроки управлению

Те управленческие меры, которые годятся для спокойных, уравновешенных времен и периодов, сейчас могут только ухудшить обстановку.

Возьмем, к примеру, волну массовых трудовых конфликтов на шахтах едва ли не всей страны. Потрясенный законодатель — Верховный Совет решил немедленно отреагировать на угрозу анархии правовыми регуляторами, ввести конфликт в рамки закона. Обратились к юристам, те подняли рекомендации Международной организации труда в Женеве, опыт западных демократий — и родился вполне грамотный, внутренне непротиворечивый, словом, цивилизованный закон на уровне лучших мировых стандартов. Испытанный за много лет классовой борьбы в «странах капитала», у нас он был немедленно «выплюнут» рабочей массой почти сразу же после принятия. В последовавшей вскоре новой волне шахтерских стачек одно лишь упоминание об утвержденных правилах оформления требований, процедурах их прохождения только еще больше озлобляло массы. Стало ясно: все эти процедуры не рассчитаны на нынешнее общественное настроение, на состояние народной психики. Лечить надо не только сами конфликты, а экономический и политический механизмы, их вызывающие.

Что же касается уже горящих конфликтов, то погашение их силой — признак управленческой несостоятельности. Во всем мире разрабатываются специальные методы раннего обнаружения массовых конфликтов, их предотвращения и преодоления. Главное внимание — прогнозу, предупреждению! Но не получала еще наша психология, социология такого госзаказа. Вот и перезревают разногласия между нациями, коллективами, а того и гляди — между политическими силами,— в конфликт слепой, изнурительный, когда уже сталкиваются не столько из-за чего-то, сколько против кого-то, что может вылиться в бунт бессмысленный и беспощадный.

Гражданин очередей

Пожалуй, самый богатый источник непрерывных желчных импульсов в массовое поведение — очередь, этот структурный элемент нашего образа жизни. Я не склонен связывать накрепко очередь и нехватки. Иногда они независимы. Просто это принятый социальный порядок, обыкновение.

Анатомия очереди загадочна своей повторяемостью в самых разных сферах: магазин и сберкасса, Аэрофлот и прачечная. Однажды я обнаружил себя в свежей очереди сдающих постельное белье проводнику вагона. Никто не обязывал. Но там были те же голова, тело, хвост, примерно восемь пар ног. Голова у очереди всегда плотнее, хвост распушен. Она любит изгибаться хвостом к голове, особенно если нет жесткого ограждения (прилавок, перила и проч.). Еще ей нравится обвиться вокруг столба, колонны, милиционера.

Очередь — жизнь в строю. Нос к затылку, плечо к спине, запускают партиями. В ней можно сделать неплохую карьеру, перейдя с хвоста в голову (следить за порядком) и провести там в почете всю очередную жизнь.

Но в очереди заложена и глубокая порочность: каждый передний одним своим присутствием враждебен заднему и сам не рад существованию своих передних. Если отлучившийся опоздает — ему обида, задним — радость. Неприязнь к окружающим очередь прививает настойчиво. Ибо порядки — абстракция, а эти — вполне осязаемые пожира-

тели жизненного времени, которое никто никогда не вернет... Очередь есть изнурительная работа, по неумолимости принуждения и дороговизне затрат личных невозобновляемых ресурсов — вреднейшая. Кто-то назвал ее: оскорбление униженных.

Место в очереди стало валютой. Им приторговывают тут же, у хвоста. Но высокую потребительную стоимость места в очереди заметили и в высоких руководящих органах. Заслуженных людей стали награждать правом прямого доступа к голове очереди. Правда, за счет других ее обитателей, что добавило еще градусов в и без того горячее ее дыхание. Само изобретение такой награды возможно только в мире непрерывных очередей. Наш соотечественник — человек очередей. Не только живых, но и заочных — в списках на квартиру, мебель, автомобиль... Все это имеет очень важное следствие: за многое он платит двойную цену. Ему мало заработать деньги на приобретение необходимого, потом он должен отработать за то же в очередях, заплатить сверх цены своим необратимым временем, немалой частью жизни. И еще неизвестно, какая из двух цен выше.

Эксплуатация есть безвозмездное присвоение части труда работника собственником средств производства. И этот присвоенный труд он переводит в капитал, пускает в дело, потребляет сам. А безвозмездное изъятие огромной части жизненного ресурса работника в очередях бесполезно для всех!

Трудовая мораль

Даже школьник знает, что условия и возможности потребления сильно сказываются на отношении к труду, заинтересованности и активности в нем.

Несколько наблюдений на этот счет. На весьма известном у нас заводе внедрялся бригадный подряд. Согласно правилам, подбор людей в бригаду идет добровольно: никто не навязывает, если рабочие от какого-то человека отказываются. И вот в профкоме цеха мне говорят: «Мы никак не ожидали — сколько у нас окажется таких, с кем никто не хочет работать в одной бригаде».— «Наверное, это пьяницы, бракоделы, прогульщики?» — «Да,— отвечают.— Но не только! Удивило то, как много у нас людей, кто согласен даже на небольшую заработную плату, лишь бы не напрягаться, не вкалывать. Как с ними быть?»

Другой, тоже весьма характерный случай.

На одной трикотажной фабрике в Сибири я проводил занятия с руководителями. Слушатели — почти все женщины — посетовали на трудности с утверждением новых моделей, невысокие заработки. Ссылаются на опыт некоторых социалистических стран, где такие коллективы сами определяют свой ассортимент, а зарплата зависит от сбыта. Тогда я предлагаю воображаемый эксперимент: предположим, вы получаете такую возможность, но на другом конце города тоже есть подобная фабрика и она тоже решила производить продукцию, однотипную с вашей. Но там точнее сориентировались в моде, быстрее перестроили технологию... И покупатели рублем «голосуют» не в вашу пользу. Что тогда? Ведь тогда вам никто не гарантирует закупок. Остается одно — еще активнее изучать спрос, скорее менять устаревшее, быть в постоянном напряжении, готовности к переменам. Совсем другая жизнь.

Смотрю: приятные лица моих собеседниц слегка померкли, а одна, провожая меня к проходной, заметила: «Конечно, такая самостоятельность в чем-то привлекательна, да уж больно рискованна. Уж лучше, знаете, победней, да поспокойней». Победней, да поспокойнее. Это стало уже негласным лозунгом целого поколения!

Не будем упрощать: это не психологический барьер, по крайней мере, не только психологический. Многолетняя привычка к пассивному исполнительству наподобие вязкого грунта еще долго будет гасить нашу скорость.

Еще пример. На швейной фабрике уже в Подмосковье при сходном разговоре я попросил прикинуть: какая, по их мнению, часть коллектива смогла бы сразу перестроиться на новый режим труда, какой процент работников будет входить в него болезненно, тяжело, а какой вероятен удельный вес тех, кто неспособен будет работать? Они между собой немного поспорили и выдали мне такую раскладку: 20, 60 и 20 (в процентах). Восемьдесят из ста не готовы! А ведь это было передовое предприятие.

Качество труда, профессиональное мастерство надо прямо-таки восстанавливать, как реставрируют порушенное здание. «Да что там,— высказался как-то один из руководителей легкой промышленности,— на конкурсе швей поразились: распоротый финский костюм собрать не могут!»

И что может говорить такой рабочий, когда раньше ему выводили, покрывая брак и низкую производительность, в месяц 320 рублей, а на хозрасчете выше 180 рублей не выходит?

Когда я слышу, как в лице бюрократии обличают стагнацию и сопротивление переменам, я соглашаюсь. Но думаю, что есть резервы консерватизма и посильнее...

В программах многих кандидатов в народные депутаты СССР было категорическое требование: вместо совхозов и колхозов — всех на аренду. Вряд ли крестьянская масса жаждет этого. Решать самому, рисковать, думать, учиться, тем более — конкурировать? Нет таких склонностей. Вся тяжесть положения в том, что сопротивляется не только бюрократия.

Излечение себя

Корни такого состояния — не в природе наших людей. Мы ничуть не хуже всех других. Сохранили доброту и дружбу, уважаем свои таланты и культуру. Достаточно среди нас подвижников и героев.

Когда-то среди русских гражданских мыслителей сложились две линии в понимании взаимосвязи человека и среды. Федор Достоевский обращался прямо к человеку: ты сам виноват в своих грехах и бедах. Виссарион Белинский винил систему, условия жизни: они вводят человека в порок и несчастья.

Мы начинаем разбираться в причинах упадка. И видим здесь замкнутый круг проблем. Мало сказать: начни с себя! Но и кто будет менять порядки, если сами люди не найдут в себе волю?

Неизбежен разворот к новым фундаментальным ценностям, придется заново оценить место человека в обществе. Наше общество синкретическое. Это значит, что человек у нас ценится больше не сам по себе, а по тому, к какой организации, профессии, группе он принадлежит. Индивидуальность у нас не в цене. Коллектив — да! Уникальность же каждой личности, ее неповторимая самоценность слабо признается.

Между тем именно ставка на способности каждого человека, на особенный потенциал личности лежит в основе успехов развитых стран.

Индивидуальные различия имеют и чисто рациональную ценность. Подбирать не человека под должность, а должность под человека — не чудо современного управления. Все мы разные, в чем-то сильнее, в чем-то слабее. Выявить наиболее сильные стороны работника и подобрать под них соответствующую должность, а если такой должности

нет — создать ее. Фирма при этом крупно выигрывает, ибо использует лучшие способности каждого работника. И тот не внакладе, поскольку получает дело по своим склонностям. Но высвобождение человека не достигается только методами управления им.

Индивидуалитет — вот то понятие, та норма, которые нам предстоит освоить. Индивидуалитет — такой статус личности в обществе, когда она равна коллективу, правительству не только по праву, но и по возможности соединять и отделять себя от общности и структуры. Уважение независимости индивида возможно только в сочетании с принятием им ответственности за себя, своих близких, свою страну.

И нельзя быть хоть немного материалистом, не признавая экономической базы для такой свободы и ответственности. Если человек не в состоянии определять собственное экономическое положение своим трудом, умом, умением, а вынужден лишь получать зарплату из рук и по усмотрению того, кто равнодушен к его планам и способностям,— такой человек зависим в своем базисе и очень ограничен в дееспособности. Теряет деятельный тонус, а то и вовсе не познает его.

Надо каждому дать его шанс! Опираясь на здоровый материализм, доводить начатую уже экономизацию трудовых отношений до коммерческого риска, а самоуправление — до выбора своей роли среди других, реализации себя.

Только отъявленный ультраэкономист сведет все дело к эффективности. Не все окажутся в выигрыше. Кто-то продвинется скромно, а другой выпадет на дно. На гарантии и поддержку, на какой-то минимум должен рассчитывать любой. Да, найдется немало таких, кто будет согласен на самый минимум, но дармовой, опустится на дно с охотой. И к этому надо готовиться.

Чтобы вправить народный характер, нужно прежде всего дать людям уверенность в намерениях властей, а для этого придать последовательность, определенность их действиям. Экономизация немного стоит без изменения политического режима в стране. Кто это там за меня решает? — так поставить вопрос может только самостоятельный субъект, осознавший свои права и возможности отводить от себя чье-либо произвольное вмешательство.

О чем чаще всего говорят между собой кооператоры? Они постоянно обсуждают слухи о подлинных или мнимых проектах ограничений и санкций со стороны властей. Нет доверия переменам, нет убежденности в их последовательности. Анонимность проектов, таинство их подготовки делают безадресными любые претензии их авторам. Преуспевает поэтому еще дикий предприниматель: сорвать куш, пока можно. Честная коммерция ненадежна, того и гляди прижмут...

* * *

В купе вагона горячится молодой инженер. Ругает всю нашу жизнь, власть, сослуживцев. Кто-то перебивает: не уехать ли вам? Теперь это можно... «Да разве я уже смогу работать так, как у них требуется?! Меня еще в школе приучали: уж тройку-то всегда поставят, никуда учителя не денутся. В институте пересдавал зачеты, измором брал доцентов. На работе все кое-как да как-нибудь».— «Ну, а вот у нас будет конкуренция, тогда как? — не унимается сосед.— Тут уж себя ломать придется».— «Лучше не надо. Себя не переломишь».

Народ жаждет перемен и боится их одновременно. Драма на несколько поколений...

Вот и тащится по улицам нашего города тяжелый снегоочиститель, переваливающий грязную массу из-под колес под ноги.

Анатолий БУТЕНКО

ВОЗМОЖНОСТИ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ УПУСТИТЬ

(На полях полемики)

Во второй половине 1989 года почти одновременно прошли две дискуссии на одну и ту же обозначенную в заголовке тему. Одна из этих дискуссий велась за рубежом на страницах шведской газеты «Дагенс Нюхетер» между Сванте Нюкандером (статьи от 14 и 15 августа) и доцентом Стефандом Хедлундом (статья от 6 сентября). Другая же дискуссия развернулась в Советском Союзе. Начало ей положило интервью двух советских политологов — И. Клямкина и А. Миграняна, опубликованное под заголовком «Нужна «железная рука»!» в «Литературной газете» 16 августа. Их утверждения в духе того, что в помощь перестройке нужна «железная рука», а точнее, авторитарный режим, вызвали многочисленные отклики и возражения и в самой «Литературной газете», и во многих других изданиях.

Почему я решил соединить эти две дискуссии в своих полемических заметках? По двум причинам. Во-первых, потому, что вопрос о судьбе советской перестройки настолько серьезен, что он беспокоит очень многих людей не только в Советском Союзе, но и за его рубежами. Это надо уяснить всем. И во-вторых, есть весьма любопытная аналогия в подходах к поставленному вопросу у советских и зарубежных участников дискуссии. О ней тоже хотелось бы поговорить.

Чтобы читателю легче было ориентироваться в содержании спора, уделим хотя бы немного места изложению сути одной и другой дискуссии.

Шведская дискуссия велась по поводу отношения Запада к перестройке в Советском Союзе, а еще точнее, по вопросу: следует или не следует поддерживать М. Горбачева!

Смысл расхождений спорящих я понял так: Сванте Нюкандер, констатируя чрезмерное недоверие к Советскому Союзу и политике М. Горбачева, все еще существующее со стороны Запада, предлагал отказаться от подобного недоверия и стать на позиции активной поддержки этой политики с целью укрепления дела мира и добрососедских отношений в Европе и за ее пределами. Его же оппонент — Стефанд Хедлунд, будучи убежденным в том, что коммунист М. Горбачев не способен выправить положение в своей стране,— а это делает помощь Запада Советскому Союзу неэффективной — категорически возражал, выдвигал условием помощи требование: «Коммунисты должны уйти!»

Вряд ли стоит здесь распространяться по поводу того, сколько раз за прошедшие семьдесят с лишним лет Советской власти западные авторы не только требовали ухода коммунистов от власти в Советском Союзе, но и предрекали неизбежность их скорого падения, сколько делалось на этот счет неподтвердившихся прогнозов, свидетельствовавших о полной неспособности многих западных политологов понять суть «коммунистического режима» в СССР, его корней и степени прочности.

Пусть меня извинят мои западные коллеги за нежелание заниматься квалификационным анализом подобных политологических прогно-

А. П. Бутенко, доктор философских наук, профессор МГУ.

зов: лучше всего экзаменует сама жизнь, тем более что С. Нюкандер чистосердечно признался: «Такую цивилизованную вещь, как гласность и перестройка, мы вряд ли могли себе представить, а уж тем более, что реформы начнутся сверху, от Политбюро. Это был скорее сценарий мечты...» Почему так! Да потому, что не только на Востоке классовая озверелость, но и на Западе сквозняки «холодной войны» слишком облегчили мозги политологов от здравого смысла. Потому-то и ошибались в прогнозах.

Не буду напоминать я и доценту Стефанду Хедлунду, что даже в нашем «непросвещенном обществе», еще только собирающемся создать правовое государство, уже сегодня считается некорректным и безнравственным выдвигать требования к другой стране, скажем к Швеции, чтобы ее правящая партия оставила власть (а ведь его статья, адресованная СССР, озаглавлена: «Коммунисты должны уйти»).

Я позволю себе только отшутиться: раньше на подобные советы наши люди отвечали зарубежным советчикам: «Вам придется ждать до греческих календ!», или: «Ждите, пока рак свистнет!».

Однако, все это — лишь взаимный обмен теми любезностями, с которых без тени смущения начал Стефанд Хедлунд. А теперь обратимся к сути дела. Что же хочется мне сказать моим западным коллегам-политологам! Я хочу сказать следующее. У меня нет сколько-нибудь существенных возражений по поводу того, о чем пишет Сванте Нюкандер: он справедливо констатирует, что наше — советское «нынешнее положение нестабильно, поскольку бюрократическая командная система не может длительное время находиться вместе с политическим руководством, приверженным реформам, не может находиться рядом со свободными и критическими дискуссиями. Там, где сейчас находится Советский Союз, нет наезженной колеи, по которой можно было бы спокойно катиться дальше». Отдавая себе полный отчет в том, что в Советском Союзе «нынешнее положение нестабильно», и, видя, откуда грозят перестройке опасности, Сванте Нюкандер считает:

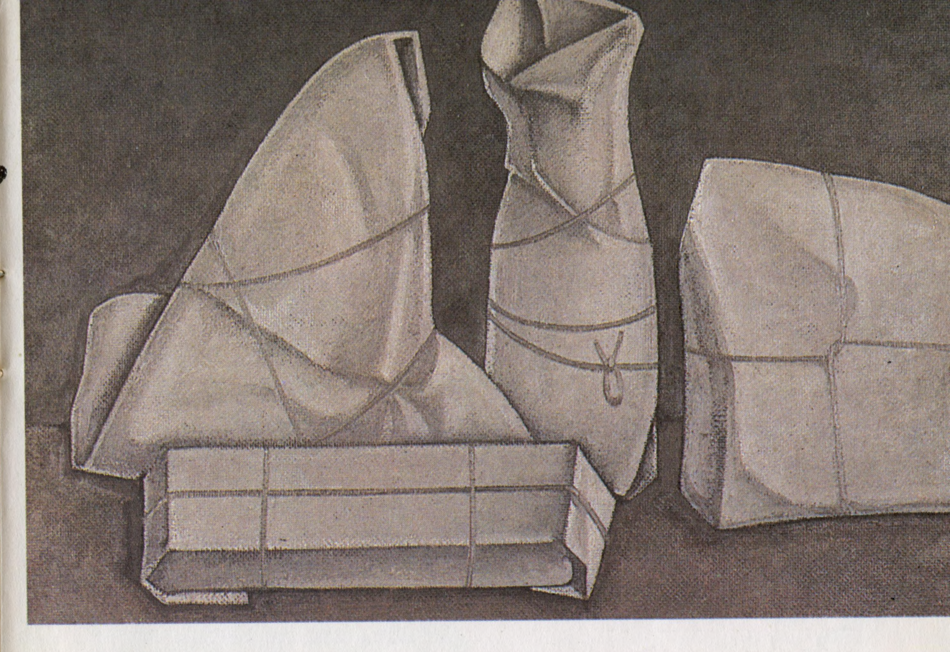
Дмитрий КРАСНОПЕВЦЕВ

ИЗ ЗАПИСОК ХУДОЖНИКА

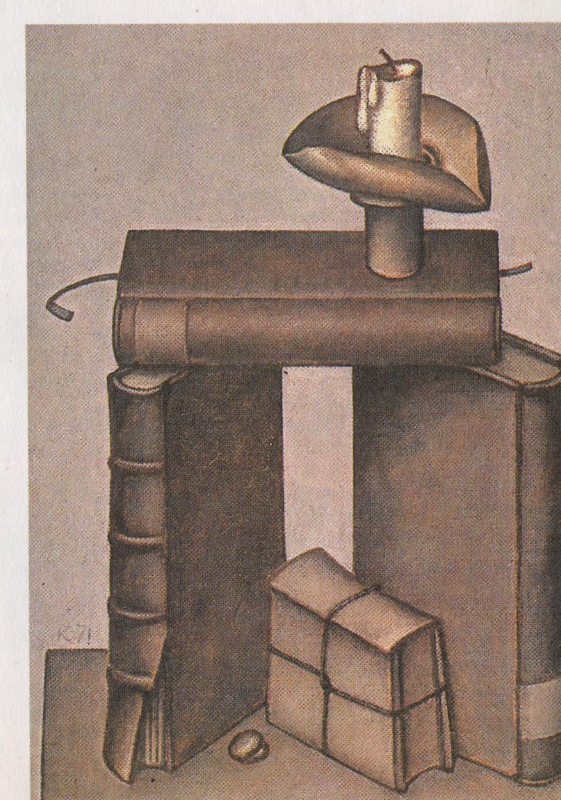
Продолжение на с. 62.

Как часто, казалось бы, выработанные до конца, брошенные рудники скрывают новые залежи, а выброшенная на поверхность порода содержит материал еще более драгоценный, чем тот, что был выбран. Замечание это относится не только к горному делу. Так не бойся думать и говорить о том, о чем уже говорили и думали даже великие люди. Есть вещи, проблемы не только глубокие, но бездонные, и, даже опускаясь на ту же глубину, на ту же длину веревки, можно увидеть нечто, чего не видели до тебя. И, высказываясь и повторяя на свой лад, вглядываясь в уже известное, тебе вдруг может открыться новая грань, новый поворот, а за ним и невиданная до сих пор долина.

Печатается (с сокращениями) по тексту альманаха «Стрелец» (1989, № 3, изд-во «Третья волна», Париж).

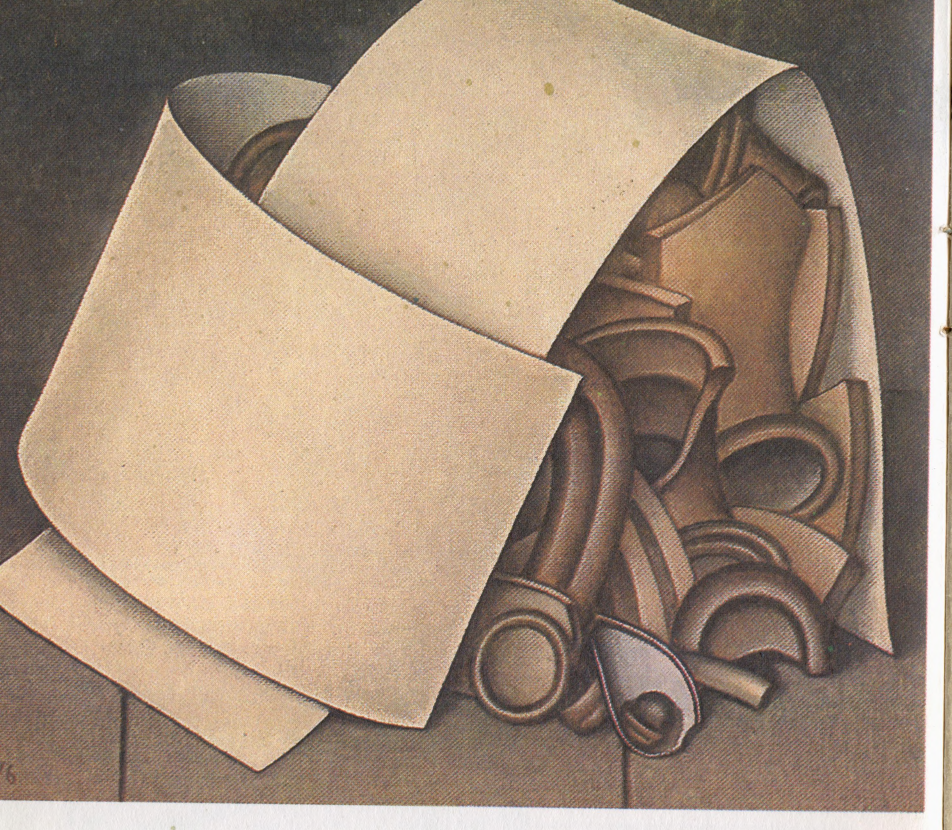

Натюрморт с завязанными предметами. 1963

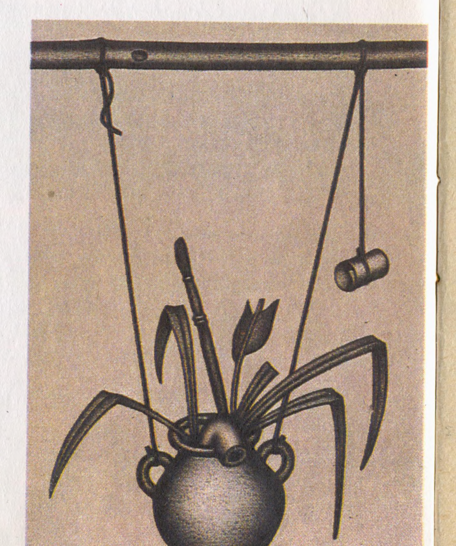

Натюрморт с книгами и свечой. 1971

ДМИТРИЙ КРАСНОПЕВЦЕВ

Черепки. 1976

Натюрморт с цветочным горшком. 1988

«Существует очевидный риск, что советская политика, не встречая отклика, вновь повернется в прежнем направлении, к периоду до 1985 года. Мы на Западе до сих пор не встречали более готового к сотрудничеству и более прогрессивного советского руководителя, чем Михаил Горбачев. Мы должны подойти с реальной меркой к возможному развитию процесса реформ и акцентировать внимание на основном направлении этого развития, а не на ошибках, которых остается немало. Тот, кто выставляет Горбачева, с одной стороны, злым гением против безопасности и мира, а с другой — что он обречен на провал, действительно не желает никаких изменений. Такая точка зрения связывает безопасность со стабильностью и стабильность с неизменностью».

Руководствуясь своим пониманием положения в Советском Союзе, Сванте Нюкандер предлагает не ожидать у моря погоды, не наблюдать бесстрастно, чья возьмет, «добру и злу внимая равнодушно», а с известной долей риска попытаться воздействовать на происходящее в интересах победы перестройки, несущей свои блага не только советским людям, но и западному миру. С. Нюкандер считает, что сегодня у западных стран есть свой шанс: «Теперь у них есть возможность, как нечасто бывает в истории, преобразовать международный порядок. Что могут сегодня сделать богатые демократические государства, чтобы предотвратить падение мира вспять к прежним противоречиям великих держав и новому риску войны! Как раз сейчас есть возможности, которые нельзя упустить, возможности способствовать созданию прочной стабильности, даже если это и несет с собой известную долю риска, отхода от традиционного мышления в вопросах безопасности. Мы все — участники этого дела». Вряд ли кто может оспорить наличие здравого смысла в этих рассуждениях С. Нюкандера.

Этого, однако, не скажешь о суждениях его оппонента С. Хедлунда. Воспитанный на западных стандартах чередования партий у власти, он и советскому обществу предлагает: «Коммунисты должны уйти». Святая простота! А не думает ли он о том, что, если бы советские коммунисты, возглавляемые М. Горбачевым, вдруг решились бы уступить власть другим силам (кстати, каким, кто, по мнению С. Хедлунда, в сегодняшнем Советском Союзе может всерьез взять на себя бремя власти!),— то в стране начались бы столь существенные деструктивные процессы, межнациональные столкновения и всеохватывающая анархия, по сравнению с которой застойные годы руководства Л. Брежнева показались бы «золотым временем» не только для советских людей, но и для Запада! Более того, не стал ли бы уход М. Горбачева или его неудача условием и предпосылкой для утверждения в Советском Союзе жесточайшей диктатуры тоталитарного характера, вполне сопоставимой со сталинской, причем со всеми ее не только внутренними жестокостями, но и — учитывая наличие в Советском Союзе еще не очень сильно усеченного термоядерноракетного оружия — с ее огромными опасностями для всего мира!

Конечно, все мы, политологи, рассматривая политику как искусство возможного, неизбежно задумываемся над перспективами перестройки, вариантами ее развития в Советском Союзе. И в этом нет ничего странного, предосудительного: хочется все-таки заглянуть в будущее!

Признаюсь моим зарубежным коллегам, что не только у них, на Западе, но и у нас, на Востоке, в том числе в Советском Союзе, разными политологами неодинаково оцениваются шансы М. Горбачева и его политики, пути и возможности победы перестройки. Я не хочу сейчас говорить о тех, кто все еще вместо народа стремится решать

его судьбы — о партийно-государственных функционерах, многие из которых достаточно недвусмысленно изложили свое отношение к происходящему уже на Пленуме ЦК после выборов народных депутатов. Это был впечатляющий по откровенности разговор обеспокоенной правящей элиты!

Хочу обратить внимание на другое: даже среди тех советских интеллектуалов, которые искренне привержены гласности и демократизации, встречаются и такие, кто сам слабо верит в успех демократизации и готов сделать ставку на «железную руку». Именно об этом шел и идет спор на страницах советской печати. В чем суть спора советских дискутантов?

Советские политологи не хуже западных чувствуют и понимают, что сегодняшнее положение советского общества нестабильно. Разумеется, в этой нестабильности имеет место и то, что «бюрократическая командная система» не в состоянии длительное время мирно сосуществовать с политическим руководством, приверженным реформам, «не может находиться рядом со свободными и критическими дискуссиями». Но советским политологам ведомо и другое, более грозное противоречие: между расширяющейся политической свободой и сужающимися экономическими возможностями граждан, между словом и делом, между обещаниями руководства улучшить материальное положение трудящихся и реальной безрезультативностью принимаемых мер, а следовательно, между обещаниями облегчения экономических трудностей и реальным ухудшением положения все более широких масс населения.

Поэтому все, кто не закрывает глаза на факты, хорошо видят, как внутри советского общества собираются силы, которые могут пойти против перестройки (митинг в Ленинграде в ноябре 1989 года только симптом складывающегося союза, первый гром надвигающейся грозы). Эта опасность заключается в двух неодинаковых силах, в попытках их объединения: с одной стороны, это командно-административная система и обслуживающие ее партийно-государственные функционеры — совершенно очевидно, что это сила, глубоко враждебная самой идее перестройки, а тем более ее успешному развитию, грозящему смести и командно-административную систему и ее служителей. С другой стороны, усиливается недовольство все расширяющейся массы рядовых тружеников, рабочих и служащих, сильнее всего на себе испытывающих удары инфляции, дефицит продовольствия и товарный голод, а потому могущих поддаться демагогии бюрократов, которые, разумеется, вовсе не собираются признавать свое вчерашнее бюрократическое руководство ответственным за сегодняшний развал экономики. Отнюдь нет! Ведь во «времена застоя» хоть что-то было! А сейчас, когда уже почти ничего нет, нетрудно убедить страждущих, что во всем виновата сама перестройка.

Однако вопреки очевидному нарастанию этой опасности, угрожающей железным кулаком пройтись по обществу и похоронить начавшуюся демократизацию и саму перестройку, два советских политолога И. Клямкин и А. Мигранян, как будто свалившись с неба, ратуют за «железную руку» и тем самым во имя радикализации перестройки подыгрывают ее похоронщикам.

Как они аргументируют свою позицию? Из их рассуждений следует, что обеспокоенные неудачами перестройки, прежде всего отсутствием экономического прогресса, они пришли к выводу о необходимости этапа авторитарной власти — власти «железной руки» — как спасительного средства, способного ввести товарное производство и утвердить

демократию в советском обществе. В опубликованном интервью А. Мигранян призывал: «Признать объективную необходимость усиления власти при переходе от тоталитарного режима к демократии». Но тут же, как субъективный приверженец демократии, он подчеркивал, что это «вовсе не значит быть в восторге от авторитаризма. Но коли переход к демократии — и в этом я глубоко убежден — лежит только через это», что же, мол, поделаешь, тут выбирать не приходится. Получается в сумме весьма своеобразная картина: тоталитарный режим сменяется слабой властью, но вскоре оказывается, что так перейти к демократии нельзя, возникает «необходимость усиления власти», что и приводит к авторитаризму, как раз и являющемуся обязательным для введения товарного производства и демократии.

Непосвященному кажется, что здесь нащупана какая-то новая глубинная связь, новый принцип развития, если не закономерность. Вот это-то и вызвало возражения многих других советских политологов, историков и социологов, ибо ничего подобного на самом деле нет: новый принцип развития к демократии не открыт, у авторов же — витиеватость фраз в изложении банальностей.

Просвещая непросвещенных, те, кто критиковал двух политологов, привели немало аргументов. Правда, при этом культура дискуссий у нас все же не на высоте: например, когда я читал возражения Г. Делигентского в «Новом времени», то при всем согласии со многими его замечаниями в адрес И. Клямкина и А. Мигранян тональность спора была такова, что мне почудилось, будто я окунаюсь в разносные споры конца 40-х годов!

Если же говорить по существу дела, то возникает вопрос к политологам: зачем обществу, едва вздохнувшему от тоталитаризма, нужен авторитаризм? Оказывается, он — обязательный этап («в этом я глубоко убежден»: переход к демократии «лежит только через это»!).

Существует ли здесь какая-нибудь связь зависимостей?

Да, существует. По мнению А. Миграняна, предоставление народу демократических свобод сразу после тоталитарного режима всегда опасно: не обученные демократии массы «врываются в политику со своими интересами», а в пробуждающемся к демократии обществе в это время «нет, не существует необходимого механизма, способного все это переварить и гармонизировать». Поэтому возникает опасность, что массы окажутся вне контроля, и тогда это приведет к «опасной дестабилизации общества», чего никак нельзя допустить. Чего опасается политолог? Дестабилизации какого общества? Тоталитарного? Нет, общества, переходящего к демократии. Вопрос второй: «опасная дестабилизация». Опасная для кого? Для всего общества. Но почему дестабилизирует общество выдвижение массами своих интересов, врывание «масс в политику со своими интересами»? По каким причинам это столь опасно, что А. Мигранян утверждает: «Возможен и иной путь, и, сразу скажу, его я боюсь меньше: консервативные силы на время прерывают процесс перестройки и вводят все в русло стагнации»? Разве эта альтернатива хороша? «Нет, безусловно, но лучше, чем неуправляемый разгул страстей».

Столь определенные рассуждения этого приверженца «железной руки» убеждают, что дело вовсе не в том, что «массы врываются в политику со своими интересами» после тоталитаризма, а в том, как настроены эти массы, в чем они видят свои интересы. Естественно, если мы говорим о современном советском обществе, где массы десятилетиями подавлялись, а теперь само общество находится в социально-экономическом тупике, живет в условиях разбалансированной

экономики, дефицита, инфляции, при сужающемся рынке потребительских товаров, т. е. при факторах, стимулирующих рост недовольства масс, то не нужно придумывать никаких дополнительных силлогизмов и псевдозакономерностей, чтобы сделать вывод: с такими настроениями «массы врываются в политику» как деструктивная сила, способная разнести все и вся, и, чтобы этого не случилось, нужна сильная власть — авторитаризм,— способная не допустить до такого бунта.

Конечно, за абстрактными тезисами западной политологии не сразу удается разглядеть, что к чему,— кстати сказать, отсутствие четкости, ясности и определенности — характерная черта всего интервью. Но когда А. Мигранян с простодушной прямотой признается, что для него активность масс с ее разгулом эмоций более страшна, чем повторная стагнация общества под прессом консервативных сил, становится очевидной суть отстаиваемой позиции. Она состоит в том, что те две грозные силы, способные объединиться в одну и задушить перестройку, о которых шла речь выше, А. Мигранян противопоставляет друг другу как якобы противоположные, способные конкурировать друг с другом. В чем! Бюрократы, прерывающие перестройку и возвращающие жизнь советского общества «в русло стагнации», для него не сахар, «но лучше, чем неуправляемый разгул страстей».

Но в том-то и дело, любезный политолог, что консервативная бюрократическая камарилья, возвращающая общество к стагнации, и неуправляемая масса, руководствующаяся не чем иным, как разгулом страстей,— это вовсе не две альтернативные силы, между которыми можно выбирать, что лучше, а что хуже, нет, это две стороны одной медали, а именно: командно-административной системы, два ее постоянных элемента: управляющая элита и неразмышляющая толпа. Перестройка существенным образом подорвала прежнюю связь этих сторон, осветив гласностью всю неприглядность командно-административной системы и лишив ее управляющих «прикрытия сверху», показав их действительную роль. Годы перестройки развели управляющих и безропотных управляемых, сделали последних «оппозиционерами» бюрократов, лишившихся прежней опоры, оказавшихся на грани полной утраты своих десятилетиями создававшихся позиций.

Однако, воспользовавшись нерасторопностью прорабов перестройки, сложностями процесса обновления и неудачами предпринимаемых мер, видя нарастающее недовольство в еще весьма многочисленных «неразмышляющих» слоях управляемых — рабочих и служащих, управляющая бюрократия делает ставку на реванш. Она лелеет надежду посредством демагогической критики действительно сложной ситуации и с помощью привычных для бюрократии, как правило, невыполняемых обещаний возвратить себе утраченную поддержку, сомкнуть свои организованные ряды с «неуправляемым разгулом страстей» с тем, чтобы «железной рукой» задавить перестройку.

Если с этой стороны посмотреть на рассуждения И. Клямкина и А. Миграняна, то обнаруживается, что в их интервью содержится не найденная формула трудного выхода из трудной ситуации, а интуитивно выраженная апология весьма возможного безрадостного исхода событий. Поэтому спорить с ними о том, правильно или неправильно ими найден выход, смешно, ибо выход и исход — это не одно и то же. Более того, их утверждения, зовущие смириться перед возможным ужесточением власти, перед грозящим утверждением авторитаризма, я считаю, как бы это выразиться помягче, глубоко не полезными. Конечно, в позиции каждого из них есть свои оттенки. Я, к примеру, увидел их в том, что И. Клямкин рассматривает утверждение власти «железной руки» как предопределенность, обусловленную хозяйственным строем «сталинско-брежневского социализма», традициями и т. п. В отличие от него А. Мигранян изображает подобную власть чуть ли не единственным реальным средством демократизации и введения в стране настоящего рынка. Вместе с тем нельзя отрицать и общности их утверждений об авторитаризме как власти, якобы являющейся сегодня если не неизбежной, то, во всяком случае, спасительной для советского общества. Мне же представляется, что сегодня уповать на авторитаризм, способный «железной рукой» исключить колебания и непоследовательности так же умно, как лечить насморк, заражая чахоткой.

Эта псевдоинтеллигентская тоска по власти «железной руки» в советской публицистике уже подверглась серьезной и аргументированной критике, показавшей глубокую ошибочность позиции, которая под видом опасения за то, что демократия не сможет легко преодолеть наследие тоталитаризма в нашем обществе, предлагает советским людям повременить с борьбой за действительное народовластие и демократию, согласиться на просвещенный авторитаризм как «меньшее зло» в сравнении с тоталитаризмом и как якобы неизбежную форму перехода от тоталитаризма к демократии.

Что можно сказать по поводу подобных советов своему народу еще «потерпеть», «повременить» с демократией?

Во-первых, все приводимые названными авторами рассуждения, основанные на аналогиях и параллелях, представляют собой лишь слабое подобие научного доказательства (аналогия вообще не доказательство) неизбежности авторитаризма как переходной формы от тоталитаризма к демократии. В приводимых аргументах и не пахнет глубоким анализом внутренних органических связей, реальных интересов широких масс населения, расстановки действительных сил в стране, сопоставлением их требований и устремлений. Поэтому придуманной авторами оригинальной политической закономерности не существовало в прошлом, тем более нет оснований для ее действия в современных условиях.

Во-вторых, разноплановые суждения авторов в пользу якобы грядущего просвещенного авторитаризма не только бездоказательны, но и антидемократичны: в условиях современного советского общества с только становящейся, еще не окрепнувшей демократией рисовать такое будущее — значит звать его к сознательному подчинению просвещенному антидемократизму, ибо авторитаризм в любом случае демократией не назовешь.

В-третьих, и это особенно важно: насколько нравственно все авторское построение! Ведь если бы действительно оказалось, что опасность авторитаризма становится все более и более реальной, что и расстановка социальных сил в советском обществе, и уровень сознательности широких масс населения, и складывающиеся общественные союзы способствуют такому ходу событий, то нравственный долг прогрессивных политологов — в отличие от позиции консерваторов и мракобесов — состоит не в том, чтобы разоружать массы перед нарастающей опасностью, обосновывая ее тем, что она, дескать, историческая неизбежность, предопределенность, что она «наименьшее зло», которому надо подчиниться, чтобы не наступило зло большее. Нет, нравственный долг прогрессивных политологов, настоящих друзей народа состоит в том, чтобы искать пути (даже если их немного) для предотвращения подобной опасности, недопущения ее реализации и упрочения пусть слабых, но все же уже имеющихся ростков демократизма!

Наконец, последнее и самое главное. Тоталитаризм как политический режим предполагает для своего утверждения и функционирования не просто наличие сильной личности, способной «железной рукой» управлять обществом, но также и определенную социальную опору, определенные социально-классовые силы, видящие в таком режиме выражение своих непосредственных не демократических, а командных устремлений. Стоит только задуматься над этим, чтобы прийти к выводу, что подобные социально-классовые силы в нашем обществе есть — это те самые силы, которые являлись социальной опорой командно-административной системы, и они отнюдь не настроены демократически. Если их хотят снова призвать к власти, то это будет отнюдь не «демократический авторитаризм», а быстрое скатывание к самому настоящему тоталитаризму. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, к чему это приведет.

В заключение несколько слов о любопытной аналогии в подходах к поставленному вопросу у советских и зарубежных участников дискуссии. Не скрою, меня очень удивило то, что и на Западе, и на Востоке те дискутанты, которые клянутся своей приверженностью принципам демократии (пусть одни «западной», а другие формирующейся «восточной»), сами очень капризны и деспотичны: как только что-то идет не так, как им хочется, сразу же выдвигается требование — заменить власть!

Стефанд Хедлунд вообще считает, что для поддержки перемен в СССР «коммунисты должны уйти». Пусть в иных выражениях, но тоже о «смене караула» утверждают И. Клямкин и А. Мигранян.

Если к подобным соображениям относиться всерьез, то давайте не играть в прятки: сегодня это означает — поддерживать или не поддерживать М. Горбачева!

То, что С. Хедлунд хотел бы видеть в Советском Союзе у власти не коммунистов, а значит, и не М. Горбачева,— это, может быть, всем и понятно, но мне не ясно: кого же хотел бы он видеть у власти, кого он готов поддержать, если не хочет поддерживать М. Горбачева — инициатора и организатора перестройки! Если С. Хедлунд незнаком с советскими деятелями и персонально ответить на вопрос ему трудно, хорошо было бы знать хотя бы общий его ответ — какие социальные силы в Советском Союзе он считает достойными стоять во главе страны, чтобы снискать поддержку Запада, если М. Горбачев для этих целей не подходит? В статье С. Хедлунда нет никаких конкретных соображений на этот счет, его позиция такова: поскольку «степень оптимизма, которая может быть оправдана в оценке будущего перестройки», невелика — и в его статье приводятся многочисленные аргументы в пользу такой оценки,— то давайте ждать, пока в Советском Союзе, как в Польше, коммунисты не уйдут от власти.

Опять вместо доказательств — аналогия! Но Советский Союз — не мне это доказывать С. Хедлунду — это не Польша. И у коммунистов Советского Союза за плечами — своя, а не польская история! Так стоит ли ждать и ждать того, что может и не сбыться! Если политика — это искусство возможного, то нельзя, претендуя на политическое мышление, провозглашать призыв «коммунисты должны уйти», не будучи в состоянии объяснить, а как это могло бы выглядеть на деле и кто бы их мог заменить, а главное — насколько это реально!

Не меньше недоумений вызывает и аналогичный подход двух советских политологов, тоже рассуждающих, в сущности, о «смене власти». Ведь они прекрасно знают, что лично для самого М. Горбачева добровольный отказ от дальнейшей демократизации и поворот к авторитаризму, к власти «железной руки» равнозначен отказу от перестройки, с которой советский лидер связал свою политику и свой собственный авторитет. Значит, рассуждая о переходе к авторитаризму, к власти «железной руки», политологи имеют в виду не его. А кого!

Конечно, было бы нелепо думать, что в стране, прожившей много десятилетий без настоящей демократии, при сталинском деспотизме и тоталитаризме, не найдется, по меньшей мере, несколько «скрытых бонапартиков», претендентов на роль диктатора. Думаю, что каждый из нас уже сегодня может назвать хотя бы одного такого претендента, но ведь все мы понимаем, что подобные претенденты отнюдь не приверженцы «демократического авторитаризма». Так кого же следует поддерживать, если не М. Горбачева!

Я никогда не был склонен идеализировать лидеров рабочего класса и коммунистического движения: ни К. Маркса, ни В. И. Ленина, ни Н. С. Хрущева, ни М. С. Горбачева. Ведь все они не лишены человеческих слабостей, допускали ошибки и просчеты, и по весьма существенным вопросам. Поэтому, если кто-нибудь рассчитывает отыскать идеального вождя или, найдя нужного для трудящихся лидера, рассчитывает преподнести его обществу «идеалом во плоти», я первым громко засмеюсь ему в лицо за подобный беспардонный подхалимаж.

Если же согласиться с той азбучной истиной, что все деятели, в том числе и первые лидеры нашего общества,— человеки со своими человеческими способностями, плюсами и минусами, достоинствами и недостатками, то, обозревая представлявшийся нам выбор, я глубоко убежден, что в силу общественно-исторического отбора сегодня мы имеем во главе партии и государства человека, наверное, наилучшим образом осознающего происходящее, видящего многое дальше других и понимающего нужды людей глубже других. Поэтому с этой точки зрения нам сегодня не нужно никакой «смены караула», а нужна решительная поддержка политики перестройки и ее сегодняшнего лидера — М. Горбачева, разумеется, поддержка также и критикой, но в первую очередь — делом. Думаю, что надо быть реалистами, здраво оценивающими ситуацию, признающими, что другого пути защитить нашу становящуюся демократию, помочь себе и перестройке у нас сегодня нет.

Борис ПИНСКЕР

ИНФЛЯЦИОВИДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ИЛИ ИНФЛЯЦИЯ!

Инфляция вошла в общественную жизнь после того, как осенью 1988 года в докладах министра финансов и председателя Госплана был обнародован факт несбалансированности союзного бюджета. Постепенно выяснилось, что первоначальная оценка величины бюджетного дефицита была занижена почти втрое — не 35, а 100 миллиардов рублей. Потом открылось, что не 100, а 120 миллиардов. С тех пор, примерно с мая 1989 года, тема инфляции и ее губительных последствий стала одной из главных тем публицистики. Инфляционный ажиотаж усугубили административные меры по защите рынков в ГДР, ЧССР, Латвии, Эстонии, Литве и пр. Предчувствие близкого краха рынков было усилено наветами на кооператоров, которые-де начали (или завершили)

разрушение товарных рынков. Неблаговидную роль в усилении общественных страстей сыграли, на мой взгляд, и новые деятели правительства. Академик Л. И. Абалкин, официальный лидер и архитектор нынешнего этапа экономической реформы, использовал ажиотажность публики для того, чтобы предложить возврат к спасительной строгости административного руководства доперестроечных времен и, таким образом, выровнять положение на рынках и подготовиться к политике либерализации и децентрализации (подмести дом перед капремонтом — политика бессмысленная, а потому и пугающая). Картина сумятицы в общественном сознании будет неполна, если не упомянуть заявления М. С. Горбачева о том, что, если дело и дальше не пойдет на лад, придется обратиться к непопулярным мерам (без расшифровки — то ли к всеобщей карточной системе, то ли к тотальной децентрализации и политике дефляционного шока).

На волне страха перед инфляцией начало появляться множество прожектов, имеющих целью прекратить выплаты избыточных денег. Один из них даже стал, с легкой руки министра-академика, законом о чрезвычайном регулировании заработной платы в период до 1 января 1991 года.

Как видно, озабоченность инфляционной опасностью, несмотря на повизну темы, оказалась крайне плодотворным и действенным настроением, которое сумело практически мгновенно изменить весь подход к политике реформ: оправдать оттягивание их как минимум еще на 1,5 года. Попытаемся понять, насколько первостепенна для нас инфляционная угроза и насколько оправданны принимаемые правительством меры.

Согласно определению, инфляция — это избыточный выпуск денег в обращение. Избыточный — сравнительно с состоянием товарных рынков. Внешним выражением инфляции является рост цен или недостаток товаров, дефицит в системах с централизованным регулированием цен. Причиной инфляции является дефицитное финансирование государственных бюджетных или промышленных расходов. Содержанием же и смыслом всякого инфляционного процесса — перераспределение доходов между социальными группами, территориями и отраслями хозяйства. Перераспределение реализуется в силу того, что при всякой инфляции цены растут далеко не равномерно. В ином случае исчез бы всякий смысл и цель инфляционного процесса. Если бы однажды все цены и доходы выросли в тысячу раз — никто не стал бы ни богаче, ни беднее. Убыточные производства остались бы убыточными, прибыльные — прибыльными. Для хозяйственной жизни важна только относительная величина цен и доходов.

Социально-экономическое значение инфляции определяется тем, в какую сторону направлено перераспределение. Новые деньги вливаются в экономику через отдельные производственные и социальные программы, через расходы привилегированных отраслей, предприятий и территорий, которым и достается весь выигрыш от лидерства в деле повышения цен.

Что оправдывает отношение к инфляции как к несчастью и угрозе для нормального экономического развития? Только одно — инфляционное изменение ценовых пропорций и отношений делает невозможной правильную калькуляцию затрат и результатов для отдельных семей, для предприятий, для государственного бюджета. Делается невозможным достоверное знание: является ли предприятие прибыльным благодаря правильному ведению дела или это результат инфляционного искажения цен? Недостоверность экономических расчетов делает невозможным рациональное экономическое поведение: что производить, как и когда. Что еще опасней, становится неразрешимой задача рационального выбора инвестиционных проектов: искаженная ценовая информация делает заведомо нереалистической всякую попытку спрогнозировать будущие потребности рынков. В конечном итоге приходится заключить, что в результате регулярного и систематического искажения ценовых пропорций всякое обоснованное планирование — будь это уровень отдельного предприятия, фирмы или народного хозяйства — делается неосуществимым. Чрезмерно большая часть расходов направляется либо на потребление, либо на накопление. В обоих случаях результатом оказывается далекая от оптимальной структура хозяйственной деятельности, неверное распределение труда и материальных ресурсов в масштабах всей страны и как результат — общий хозяйственный упадок и обнищание.

В экономике советского типа, с централизованным контролем цен, инфляция проявляет себя несколько иначе. Прямой рост цен для уравновешивания спроса и предложения — гибкая реакция производителей на повышение или понижение спроса здесь невозможен. Следствием такой подавленной инфляции для потребителей оказывается исчезновение товаров из торговли, а для производителей — постепенное падение прибыльности производства. Стремление потребителей получить во что бы то ни стало необходимый товар ведет к развитию черных рынков и подпольных производств. Стремление производителей преодолеть дрейф к убыточности сказывается в изменении номенклатуры производства, в отказе от производства дешевых и малорентабельных товаров. Центральные хозяйственные органы, пытаясь преодолеть неблагоприятные последствия подавленной инфляции, устанавливают льготы и субсидии производителям товаров массового спроса, а для компенсации этих сверхобычных расходов — ценовые надбавки на все остальные виды товаров: алкоголь, табак, автомобили, мебель и другие «предметы роскоши» (акцизные налоги). Корректирующие возможности этой системы дополнительных налогов и субсидий достаточно ограничены, так как цены факторов производства изменяются непрерывно, а субсидии и торговые надбавки могут устанавливаться не чаще, чем раз в год — во время принятий очередного годового плана. В силу этого дефицитность товарных рынков оказывается неизбежным спутником хозяйства с централизованным контролем цен. Поскольку на практике достаточно массивное изменение цен и субсидий происходит существенно реже — примерно раз в десятилетие,— функционирование плановой социалистической экономики закономерно сопровождается падением прибыльности промышленных и сельскохозяйственных предприятий (в том числе в форме роста числа планово-убыточных предприятий) и ростом дефицитности государственного бюджета.

В общем, может создаться вполне оправданное представление, что и в нашей экономике инфляция остается вполне инфляцией со всеми необходимыми признаками: избыток денег в обращении, дефицитность бюджета и пр. Надо понимать, что, именно ориентируясь на эти черты внешнего сходства, наши экономисты и специалисты ведомств уделили столь пристальное внимание этой проблеме и решительно стали требовать принятия срочных мер для обуздания инфляции, в первую очередь — ограничения, а затем и ликвидации бюджетного дефицита. Необходимость выработки конкретных мер борьбы с этой несомненной язвой хозяйственной жизни побуждает нас, однако, проявить большую пристальность и поставить вопрос не только о механизме инфляции в экономике СССР, но о принципиальных основах этого механизма.

Отчего мы так уж уверились в том, что именно инфляция есть то первостепенное бедствие нашей хозяйственной жизни, на борьбу с которым следует направить силы в первую очередь? Не копируем ли мы в этом случае слепо экономическую мудрость государств с рыночной экономикой? Не будем все-таки забывать, что в нашей стране экономика уже 70 лет с лишним подчиняется преимущественно политическим соображениям и выкладкам, а не императивам рационального хозяйствования. Бесспорно, что при этом и политика зачастую определялась именно нуждами хозяйства, но гораздо типичнее все-таки обратное.

Разве решение о том, что контролировать рыночные цены есть дело доблести и геройства для социалистического государства, было принято исходя из экономических соображений? Вовсе нет. Это решение было принято под внушением уже вполне к тому моменту обветшалых и антинаучных догм — как инструмент контроля над рынком и конечного разрушения рынка. А ведь нельзя не признать, что никакая, самая необузданная инфляция не в состоянии настолько разрушить условия для рациональной организации экономической деятельности, как централизованный контроль цен.

Разве инфляция создала разорительную систему централизованного распоряжения ресурсами? Нет, конечно. Первые (они же и последние) шаги нэпа в 1924—1927 годах действительно сопровождались инфляционным стимулированием процессов индустриализации. И в тот период беспорядочный и нерасчетливый выпуск денег вел к разрушению торговли и снабжения, к введению карточных систем распределения потребительских и производственных товаров. Но ведь решение продолжить движение в избранном направлении было принято из соображений политических и иных выгод — и это решение породило беды, несопоставимые с тем, что когда-либо приносила инфляция.

С 1926 года начинается зловещий процесс перекачивания производительных ресурсов страны в отрасли добывающей, перерабатывающей и тяжелой промышленности. В 1926 году примерно 60% всего промышленного производства было предназначено для потребления. Через 60 лет эта доля сократилась примерно до 20%. Разве инфляционное искажение цен виновато в этом драматическом процессе, результатом которого стало поразительное обнищание народа в одной из самых богатых и сильных в военном отношении держав мира? Да нет, разумеется. Это результат сознательно принятых плановых решений, имевших целью форсировать процессы технического и научного развития ради умножения военной и политической мощи государства. Жизненный уровень и культура народа вполне сознательно, с открытыми глазами были принесены в жертву идолам государственной силы. Конечно, результатом этих плановых и политических решений в сфере денежного обращения была именно инфляция, то есть постоянное, никогда с тех пор не прерывавшееся превосходство количества денег в обращении над количеством наличных товарных благ. Более того, с точки зрения экономической теории мы вынуждены описывать этот процесс именно как своеобразный вариант инфляции: дефицитное финансирование отраслей тяжелой, добывающей и перерабатывающей промышленности. И теория здесь вполне безупречна: это была (и остается, в общих чертах, поныне) именно инфляция военного времени. Но никакая экономическая теория не даст вам совет, что в таких ситуациях следует бороться именно и в первую очередь с инфляцией. Сначала следует все-таки победить войну. Потом уже можно начинать работу по демилитаризации экономики.

На протяжении 60 с лишним лет фонды сельского хозяйства и легкой промышленности конфисковывались систематически в пользу «государственных» отраслей не по ошибке, а в силу трезвого планового расчета, подчинявшегося довольно специфической геополитической стратегии. Весь этот период, оправдываясь теми или иными обстоятельствами и соображениями, государство наращивало фонд накопления за счет фондов потребления. Так произошло и после 1985 года. Все свободные и иные ресурсы в порыве политики ускорения были брошены на прорыв в области машиностроения, энергетики и ряда других приоритетных отраслей. Начался очередной раунд направленного перераспределения ресурсов, в том числе и финансовых,— от одних групп населения, отраслей и территорий в пользу других групп, отраслей и территорий. Внешним, чисто финансовым выражением этого перераспределения была и остается — инфляция. Но определяется она тем, что первофеноменом хозяйственной жизни был и остается нормальный процесс социалистического планирования, последствия которого не могут не быть инфляционными, ибо оно по замыслу направлено на создание искусственной, заведомо и преднамеренно диспропорциональной структуры производства. Правоту этого суждения легко доказать.

Единственный в человеческой истории метод создания пропорционального и сбалансированного хозяйства — это рынок. И чем правильней он организован, чем он свободней, чем лучше сохранен от диктата монополистских и олигархических сил, тем ближе хозяйство к идеальному состоянию планомерного и пропорционального развития. В таком хозяйстве все производится только в расчете на конечного потребителя. Перепроизводство или недопроизводство возможно только как временное и локальное отступление от пропорциональности и является, в сущности, методом поиска равновесия. Замена такого рынка государственно-монополистическим планированием может иметь целью только одно — за счет концентрации ресурсов в немногом числе избранных предприятий и отраслей выиграть в скорости и силе развития, добиться результатов, недоступных рынку при данных исходных обстоятельствах. Исходная цель планирования — экономической диктатуры плановых и политических органов — пожертвовать равновесием, пожертвовать благосостоянием народа ради неких, безусловно приоритетных, державных целей. Иными словами, речь с самого начала шла (и идет поныне) о целенаправленной и планируемой инфляции. На этом пути, правда, кроме желаемых стратегических выигрышей получилось множество провалов и потерь. Многие говорят, и небезосновательно, что мы — по большому счету — и вовсе продулись в этой исторической рулетке. Но это уже другой вопрос. Собирались-то выиграть.

Что происходит на потребительском рынке в последние годы? Обостряется нехватка решительно всех товаров. Инфляция виновата! Но ведь нехватка товаров может возникнуть, по крайней мере, по четырем причинам. Во-первых, может сократиться производство товаров. Во-вторых, часть товарных ресурсов может быть изъята для нужд внешнего рынка. В-третьих, может быть сокращен импорт. В-четвертых, дефицит может возникнуть в результате опережающего роста спроса. Заметьте, что в каждом из четырех случаев конечный результат одинаков — величина денежного спроса больше, чем величина товарного предложения. Согласно классическому определению, приведенному в начале статьи, это и есть инфляция. Но определение выработано западной экономической наукой и только для случаев нормальной рыночной экономики, в которой ни первый, ни второй, ни третий из рассмотренных нами случаев просто неосуществимы. В социалистической же экономике эти варианты очень даже реализуемы и создают на рынке ин-

фляциовидные явления, которые наблюдателю довольно непросто отличить от истинной инфляции, предусмотренной четвертым случаем.

Можем ли мы утверждать, что углубление товарных нехваток после 1985 года имеет основной причиной расстройство денежного обращения? Ни в коем случае. Сахар и масло по талонам — что, результат умноженного потребления? Человек не может удвоить и утроить потребление мыла, сахара, спичек, кофе, чая и прочих товаров, давно вошедших в быт. Значит, причина нехваток — сокращение товарного предложения. Это всего лишь инфляциовидные явления, артефакт государственного планирования, но никак не сама инфляция.

Даже возвышению неудовлетворенного спроса на автомобили и росту цен на них на черных рынках нельзя верить вполне как показателю инфляции. Как-никак экспорт автомобилей растет при стабильном или сокращающемся производстве. Рост цен — неминуем. В последние полтора года из продажи начисто исчезли холодильники, пылесосы, телевизоры и пр. Как можно быть уверенным, что причиной опустения прилавков было увеличение инфляционного спроса, а не сокращение производства или увеличение экспортной квоты? По холодильникам, например, есть данные по 1987 год включительно. И видно, что в то время как производство их оставалось примерно неизменным в 1980—1987 годах, их экспорт резко возрос в 2,5 раза. В 1987 году 21% произведенных холодильников были проданы за границу. За 1980—1987 годы производство телевизоров выросло на 540 тысяч штук и примерно на ту же величину увеличилась их продажа за рубеж. По большинству дефицитных товаров такой информации нет. Но почему мы можем думать, что там ситуация иная? Возьмите, например, пылесосы, полотеры и другие товары, включающие электродвигатели переменного тока. Госкомстат уже три года сообщает о сокращении производства этих двигателей. Как вы думаете, при сокращенном производстве какие отрасли лишились фондов на электродвигатели? Производство танков, самолетов, станков? Или — бытовой техники? А при сокращении производства бытовой техники какие заказы выполняются в первую очередь — внешнего рынка или внутреннего? Какое же у нас основание говорить в данном случае об инфляционности рынков?

Могут сказать, но ведь Госкомстат... Но ведь Госкомстат ничего нам не говорит об объемах продажи на внутреннем рынке, как и об объемах производства большинства сложных потребительских товаров. Да и как можно верить Госкомстату? Судя по его данным, у нас третий год подряд крупно увеличивается производство кондитерских изделий, а в магазинах, даже московских,— шаром покати. Ни карамели, ни ирисок, ни печенья. Что, инфляция виновата? Или кооператоры съедают сами и скармливают скоту? Даже при сохранении прежних объемов производства в магазинах были бы всегдашние очереди. Дополнительные количества товаров, если верить сводкам Госкомстата, нельзя было бы реализовать без дичайших очередей и круглосуточной работы магазинов. Но в магазинах такая пустота, что даже очереди не возникают. То же самое в магазинах бытовой техники. Нет ни очередей, ни записи в очередь. Значит — нет и подвоза. Никак не могу я верить Госкомстату. Он утверждает, что по производству мяса на душу населения мы сравнялись с Великобританией, а по производству молока — обошли весь мир. Где эти мясо и молоко? Пятую часть потребляемого сливочного масла мы покупаем на Западе, в наших «сельскохозяйственных колониях». Может, мы им продаем молоко, а потом уж закупаем масло? Или Госкомстат считает молоко в переводе на 0,5%? Тогда все станет на свои места. Может, мы и телевизоры пересчитываем в расчете на экран в 15 см? Тогда один «Темп» может считаться за четыре телевизора, и, может быть, сойдутся концы с концами.

Поведение правительства в деле рассекречивания экономической информации выглядит самое малое — подозрительным. Почему именно в 1988 году признали дефицитность бюджета? Оттого, что когда-то нужно и правду сказать? Но тогда почему не всю правду? Почему не опубликованы правдивые бюджеты прошлых лет? Почему не названы источники головокружительного роста бюджетного дефицита? Делая вид, что уступает непреодолимому давлению народных депутатов, министр финансов Павлов открыл государственную «тайну»: объем денежной эмиссии в прошлом году — 10, а в этом — 20 миллиардов рублей. А 20 миллиардов рублей — это много или мало? Каков объем денежной массы в обращении? Сколько у нас денег в наличном и безналичном обороте? Каков объем невозвратных кредитов и безнадежных долгов? Ничего этого нет. Как прикажете верить, что речь действительно идет о попытке справиться с серьезным финансовым кризисом, а не о чем-то другом?

В США к 1982 году образовался дефицит государственного бюджета в размере 200 миллиардов долларов. Всего-то навсего $^1/_5$ государственного бюджета и $^1/_{20}$ валового национального продукта (ВНП). И богатые США сумели за восемь лет сократить этот дефицит только вдвое — до 100 миллиардов долларов. А у нас на 1989 год 120 миллиардов рублей дефицита — $^1/_4$ часть нашего государственного бюджета и $^1/_8$ часть ВНП. То есть положение, по меньшей мере, вдвое серьезней, чем в США. А мы уже запланировали, как сократить этот дефицит вдвое — до 60 миллиардов рублей. За счет чего, спрашивается? Какие бы зряшные расходы не нес советский бюджет, все-таки за каждым бюджетным рублем стоит человек — получатель бюджетных расходов. Пенсии и пособия, как я понимаю, никто трогать не собирается. Напротив, предполагается рост социальных расходов. Значит, экономия должна образоваться за счет сокращения расходов на приобретение товаров и услуг? 60 миллиардов рублей это плата за годовой труд 6—12 миллиардов человек. Каких? За счет чего намечено получить экономию?

Недавно один парадоксалист высказал такую гипотезу о природе всяких несообразностей нашей экономической жизни, вроде исчезновения товаров из магазинов и бешеного роста бюджетного дефицита: под шумок разговоров о демократизации и всеобщем разоружении правительство осуществляет конверсию гражданских отраслей для производства нового поколения военной техники. Недаром, говорит, в 1986 году предприятия машиностроения для легкой промышленности были переданы в оборонку — для усиления. Только не легкой промышленности, а оборонки. Скажете — дичь? А откуда такая уверенность? Ведь признался же недавно Э. А. Шеварднадзе, что военные и промышленники их четыре года за нос водили в международном скандале о назначении Красноярской РЛС. Почему бы им не надуть «родное» Политбюро с направлением конверсии? А может, Шеварднадзе просто спихнул на военных, чтобы вывернуться из дурацкого положения? Тоже возможная вещь. Вообще говоря, если не предполагать, что наше правительство «немного» жульничает, то порой просто ничего нельзя понять. Вот военный бюджет — вроде опубликована наконец истинная цифра военных расходов, а вроде... Нет данных за прошлые годы и десятилетия. Нет постатейной расшифровки. Нет данных о стоимости отдельных видов военной техники. Общая цифра какая-то чудная — 72 миллиарда. Почему у нас в целом по народному хозяйству производительность труда

в 2—10 раз ниже, чем в США, а в оборонных отраслях в 4 раза выше? Как это мы умудряемся при существенно более низкой покупательной способности рубля по сравнению с долларом на каждый рубль приобретать военной техники в 4 раза больше, чем на доллар? Вот уж поистине «в Россию можно только верить...». Ужас ситуации в том, что если эти подозрения хоть сколько-нибудь основательны, то нельзя верить и оценкам размеров ВНП и государственного бюджета, да и оценкам величины бюджетного дефицита.

Вот, кстати, повод для размышлений. В «Известиях» от 14 ноября 1989 года опубликовано письмо народного депутата А. Ястребова, в котором говорится, что сокращение объема оборонной продукции на 5,4% увеличит производство товаров народного потребления (ТНП) в этих отраслях на 34,7% и тогда в целом производство ТНП отраслями военно-промышленного комплекса (ВПК) составит чуть более 14% от общего выпуска ТНП в 1990 году. Преобразуйте это высказывание в форму математических пропорций, и вы получите, что объем производства в отраслях ВПК почти в 6 раз выше, чем в целом все производство товаров народного потребления. Это означает, иными словами, что продукция оборонных отраслей равна 1000—1300 миллиардам рублей — больше, чем официальная оценка величины ВНП. Кто умеет разгадывать такие загадки?

В этой ситуации говорить о роли инфляции, давать числовые оценки и предлагать меры лечения — заведомое шаманство. До публикации полной и достоверной экономической статистики диагноз прошлых, нынешних и будущих экономических бед может быть только один: социалистическое планирование и инфляциовидные явления, точный смысл которых предстоит еще определить. Задачей экономической политики на данном этапе не может быть обуздание инфляции и восстановление равновесия рынков. Обе задачи могут быть решены в одну ночь — поднятием цен и конфискацией накоплений у предприятий и населения. Задачи экономической политики должны определяться насущными социальными и демографическими проблемами: одеть, обуть, обеспечить жильем и качественным медицинским обслуживанием. В стране падает продолжительность жизни и производительность труда, растут детская смертность, преступность и наркомания.

Для решения этих задач нужны усилия предпринимателей, ученых и инженеров. Нам нужна срочная и тотальная перестройка структуры экономики. Нужна реконверсия не только чисто оборонной промышленности, но в первую очередь станкоинструментальной, машиностроительной. Нужна срочная ликвидация системы централизованного планирования, широкая денационализация и приватизация собственности.

Первоочередной задачей является прекращение государственного манипулирования ценами. Все основные мероприятия экономической реформы должны быть подчинены этой центральной и единственно бесспорной: цены должны определять рынок, а не Госкомцен, не комиссии Советов и прочие экономически безответственные и некомпетентные органы. Пока цены взнузданы государственной системой распределения ресурсов, всякие попытки упорядочения финансового хозяйства, всякие программы борьбы с инфляцией будут простым шарлатанством. И еще одно. Цены — важнейшая, но не единственная форма экономической информации. Прежде чем приступать к реформам, необходима публикация полной экономической и финансовой статистики. Иначе все разговоры не только о реформах, но и о передаче власти Советам, о всеобщем и полном разоружении останутся лишь подозрительной фразеологией, за которой может скрываться любая чертовщина.

Вячеслав БАСКОВ

ГОЛЫЙ МУЖЧИНА

Почему бы все-таки в армии не служить только тем, кто это дело любит? Чем дальше, тем больше молодых людей не хотят идти в армию. Им там плохо. К ним там плохо относятся...

Несколько поколений советских ребят слышат об армии сплошь неприятное. Это место, где тебя не уважают, называют по фамилии, не спрашивают, к чему у тебя лежит душа. Там все ходят строем, тобой командуют — слова в простоте не скажут,— команды, как правило, издевательского характера. Если ты заупрямишься, то весь строй не идет на обед, скажем. «В армии тебя быстро обломают!», «В армии с тобой никто цацкаться не будет!», «В армии тебя научат уму-разуму!». И тому подобное. Тем не менее рано или поздно для любого советского мальчика армия все равно начнется. С военкомата.

Военкомат — это учреждение, где оробевшую толпу растерянных мужчин для начала эдак запросто раздевают догола. Ни больше ни меньше! Впрочем, еще не мужчин — подростков, застенчивых юношей, школьников старших классов. Не все из них и перед родными папами-то раздевались! Однако раздевание по команде происходит неожиданно буднично, вполне цинично — прямо в коридоре учреждения, по которому снуют с бумажками нарядно одетые девушки, местные служащие. Как будто так и надо.

Раздевание затеяно вроде бы для медицинского осмотра. Но врачи тут смотрят только глазами. Медосмотр — чистейшая формальность, потому что только служба в армии выявляет настоящих больных. В военкомате больных не бывает. Военкоматовская медицинская комиссия сама больна на оба уха, она не слышит жалоб призывников на свое здоровье, на здоровье родных и близких, многие из которых остаются в полном одиночестве и после отъезда из дома молодого человека вынуждены иногда поступать на попечение городской больницы. Военкомат — призывает. Вот его главная миссия. Но мужчинам он запоминается на всю жизнь главным образом именно внезапным стриптизом, потому что для многих — это первое публичное раздевание.

Толпы юношей без трусов стоят при свете дня в коридоре учреждения. Ожидание тянется часами. За это время молодым людям ясно дают понять, что они — стадо, и они быстро осознают себя стадом, несчастным уже от того, что родилось для бифштекса и азу. Оказывается, достаточно всего лишь родиться мужчиной, чтобы однажды тебе в военкомате велели средь бела дня обнажиться, словно в этом вообще нет ничего особенного. Ты — мужского пола. Ты родился солдатом. Раздевайся. Тебя проверят. Тебе это не нужно! Но ведь ты уже родился.

В наше время голые ребята вытворяли что-то чудовищное. Из-за стеснительности, чтобы скрыть крайнее замешательство, хватали друг друга, толкались, пинались. А совсем недавно в одной медицинской комиссии поразила, наоборот, гнетущая тишина. Голые полумужчины, которые родились и всю свою жизнь провели в отдельных квартирах, подавленные странной процедурой, о которой никогда не говорят по телевизору, бледные, испуганные и дрожащие от сквозняка, просто не знали, куда девать свою наготу. Кому хватило места, сидели на откидывающихся фанерных креслах, какие стояли в кинотеатрах в пятидесятых годах, как бы невзначай прикрыв стыд худой ладошкой, другие, без

места, жались к стенам и к углам длинного коридора, ярко освещенного с потолка лампами дневного света. Некоторые ребята трусы или плавки принципиально не сняли — лица у них были бледнее, напряженнее, чем у тех, кто подчинился приказу. В наше время тоже были такие, строгих правил...

И отъезд в армию за долгие годы, в сущности, не изменился. Впрочем, кое-где московские призывники приходят с рюкзаками и окруженные толпой любящих родственников... на местный стадион. Тут зерна отделяют от плевел: зерна — на поле или на беговую дорожку, а плевела (родственников) — за изгородь, на места для болельщиков. На стадион под музыку въезжают «Икарусы», и призывники уезжают. Подавленные размерами обстановки, плевелы не воют и не орут.

В наше время отъезд происходил от «призывного пункта». Возле него стоял открытый грузовик, новобранцы туда лезли, а родственники, любимые девушки и юные жены тихо причитали. Но как только грузовик медленно трогался, женщины выли, стенали, женщины бежали за грузовиком, цеплялись за задний борт, выкликали имена «своих» («Сереженька-а!», «Коля-я!»), орали:

— Не-ет! Не забирайте сыночка! Я одна!.. Пиши с первой же станции! В чемодане справа конверты и бумага!..

Прибавьте к этому погоду — осенний призыв — дождь, снег, ветер, темнота...

Отъезд в пригороде сегодня. Все тот же открытый грузовик, шеренга угрюмых оборванцев с рюкзаками через плечо. Наряд милиции, отделивший их от кажущихся почему-то тоже неряшливо одетыми мам, сестер, младших братьев, сумрачных отцов в кепках, фонарь в том конце улицы, ветер, дождь со снегом. И разговоры:

— Куда их гонят-то? Война, что ли? Доучиться не дали... Только что отучился, ему бы поработать... Господи, чего делается-то? Где ж перестройка-то?..

Посадка в грузовик. И шелестящая разумными разговорами небольшая кучка родственников срывается:

— Сереженька-а! Витя-я! Коля-я! Пиши-и скорее! Очки не разбей! Я тебе сразу справку от моего врача вышлю, тебя отпустят! Я болеть не буду-у! Конверты справа в боковом кармане-е!

Война! Война! Но с кем? Вы не знаете, с кем сейчас воюет СССР? Как одеваться — тепло или по-летнему?..

Армия — это большой театр, где каждое действие имитирует напряженку «настоящей войны», она ставит людей в предлагаемые обстоятельства, «приближенные к военному времени». А зачем?

Новобранцы не знают, куда их повезут. Это положено узнать тогда, когда приедут на место. Даже в поезде, откуда, кстати, их на станциях, как пойманных воров, не выпускают, основная масса так и не понимает, куда едет, сколько ехать, в каком направлении. Тайна — даже сторона света! Им придется потерпеть, как и тем, кого они оставили дома. Нужно будет дождаться первого письма. После этого военная тайна будет тотчас раскрыта. Впрочем, не всегда.

Если молодой солдат оказался за границей, то, по соображениям военной тайны, на конверте обратный адрес его — «полевая почта». Где находится эта «полевая почта» — в Монголии, в Чехословакии, в Антарктиде и т. д., родителям знать не положено. Когда сын моей одноклассницы был отправлен по этому загадочному адресу, она обегала все кабинеты военкомата, чтобы по номеру «полевой почты» узнать, в какой стране находится ее единственный сын. Ладно, не в стране, хотя бы — в какой части света? Ей дружески и шепотом посоветовали поменьше этим интересоваться. И тогда она сердцем почувствовала, что сын в Афганистане. Он же в письмах уверял, что служит в Монголии. Ее догадка подтвердилась после патриотической статьи в «Комсомолке», где журналистка, побывавшая в Афганистане и воспевшая героизм «наших ребят», сообщала эдак между прочим, что для того, чтобы не волновать родителей, «ребята» пишут им, что служат в Монголии. Моя одноклассница поседела. Вдобавок в эти же дни она получила грозное письмо из районного военкомата с требованием немедленно сообщить, где находится ее сын, и, в случае неявки на призывной пункт, он будет предан трибуналу...

Когда же сын вернулся из армии (мальчик закончил школу с золотой медалью, а первый курс института со всеми пятерками) всего лишь с перебитым носом, то выяснилось, что он действительно служил в Монголии. Мама вырастила его честным, правдивым мальчиком и он, естественно, писал ей в письмах правду. А она не верила ни слову. Письма просматриваются военной цензурой (или не просматриваются? Слухи о ней ходят до сих пор), поэтому в письмах родители детям и дети родителям обычно не пишут слишком откровенно. Это не письма, а шифровки. Их учат наизусть, доходят до смысла по самым общим словам, по примитивным предложениям из подлежащего и сказуемого. Боль, страдание узнают не из слов, а по почерку, по запаху бумаги. Моя одноклассница за два года заработала стенокардию. Врачи предлагают ей группу инвалидности, но надо же поставить на ноги сына...

В воинской части разыгрывается чистый водевиль: раз тебя призвали, раз доехал, дорогу перенес, значит, здоров. Жалуешься на нездоровье — симулянт. И все равно военные госпитали заполнены молодыми людьми. О слабости поколений и о том, что «некому служить в армии», пишут в газетах, говорили открыто на I Съезде народных депутатов. Но в армии укрепились свои традиции на этот счет: если не умираешь, значит, здоров. На языке профессиональных солдафонов это называется «сделаю из тебя мущину».

Вообще Советская Армия строится на каком-то, мягко говоря, необычном отношении к мужчинам. Мужчины двигают науку, они пишут книги, играют на сцене, создают музыку, картины. На них стоит крестьянский дом и городская семья. Но в армии упорно считается, что мужчина — это нечто тупое, неразвитое, грубое, жвачное. Или должно стать таким на время «прохождения службы». Поэтому в армии самое главное — приказ и подчинение приказу. Принимая присягу, каждый «торжественно клянется» беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы. В Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил СССР по этому поводу говорится более развернуто: «Воинская дисциплина обязывает каждого военнослужащего... точно выполнять приказы и приказания командиров (начальников). Твердая (в новой редакции — «высокая») воинская дисциплина достигается воспитанием у военнослужащих... сознательного повиновения командирам (начальникам). Приказ командира (начальника) — закон для подчиненных. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок».

Дисциплинарный устав разрешает командиру (начальнику) застрелить подчиненного! Но почему-то не наоборот. Неужели вы сомневаетесь, что изменить Родине, «сорвать боевую задачу» на учениях способен только подчиненный? Он несознательный уж от одного того, что — подчиненный! Только подчиненные способны «реально угрожать жизни командира (начальника), других военнослужащих или гражданских лиц». Понимаете ли, командирам (начальникам) это не свойственно.

Дисциплинарный устав низводит человека на самую низшую сту-

пень развития за одно только то, что он — подчиненный. «Применение оружия,— говорится там хладнокровно,— является крайней мерой и допускается, если все другие меры, принятые командиром (начальником), оказались безуспешными, либо когда по условиям обстановки принятие других мер окажется невозможным. Перед применением оружия, если позволяет обстановка, командир (начальник) обязан предупредить об этом неповинующегося». После убийства «неповинующегося» (устав называет его еще эдак походя «виновным») «о применении оружия командир (начальник) немедленно доносит по команде». И всего-то? А почему бы ему все-таки не бросить все и не сделать того же самого «до»?

Для нагнетания обстановки, для искусственного создания клубка экстремальных ситуаций в одно свалены угроза для жизни самого командира, других военнослужащих, мирных жителей. Словно бы все это равносильно и равноценно и требует единой меры воздействия.

Речь в этом уставе идет и о военной обстановке, и о мирном времени. Взаимоотношения в армии, как видите, мало зависят от погоды на дворе. Даже оружие разрешено пускать в ход на усмотрение командира (начальника), когда лично ему покажется, что «все другие меры... оказались безуспешными» или что «принятие других мер невозможно»! Невозможно представить подобные отношения в других отраслях народного хозяйства. Если, скажем, комбайнер пойдет бить морду бригадиру, а бригадиру будет дано право задавить его трактором...

Авторы Дисциплинарного устава твердо убеждены, что с «мущинами» нужно обращаться очень и очень строго, не давать им спуску. Надо вновь сказать, что это очень и очень необычное отношение к солдату (самому наиподчиненному в армейской иерархии!). Даже в Древнем Риме армия строилась на обращении к сердцу воина. Императоры, власть которых во многом зависела от армии, первым делом обращались к солдатам с прочувствованными речами. И, если армия благосклонно внимала оратору, он становился цезарем. И в современных западных армиях, куда мужчины приходят на работу, отношения между военнослужащими товарищеские. Все делают одно дело, только каждый на своем месте. Исполнение приказов и команд — тяжелый труд, который хорошо оплачивается. На него кормят семьи. Если парень медлит или слишком много рассуждает, его увольняют. Также поступают у нас в редакциях, в конструкторском бюро, в министерстве, в оркестре — повсюду! Почему же в армии отношения между людьми должны строиться иначе? Кто доказал, что это — лучше?

Жизнь свидетельствует как раз о другом: службой в армии пугают легкомысленных, не успевающих в учебе, от призыва с риском для себя уже отказываются. Только в 1989 году таких «отказников» (терминология самого начальника Генерального штаба СССР) во всех республиках насчитали больше семи с половиной тысяч, а против 1484 из них возбуждены уголовные дела. Лишь о юношах из Азербайджана начальник Генштаба отозвался с похвалой: они еще ни разу не отказывались. Таким образом, даже у высшего армейского руководства наконец-то прорезался слух, и оно услышало голоса 14 союзных республик, однако за образец поведения упрямо навязывается онемевшая пятнадцатая.

«Забритые» в армию делают свое дело, конечно, очень хорошо, старательно, но чего стоит один прилет Матиаса Руста на Красную площадь!

Да разве достаточно снять за это с работы одного генерала? Нужно пересмотреть всю систему отношений в армии! Почему же этого не делается? Чего ждут — следующего «прокола»? Но вот он наступает: Тбилиси, где солдаты убивают «преимущественно» девушек саперными лопатами. Скажите, какой уважающий себя наемный убийца согласится выполнить такой приказ? А наши солдаты легко соглашаются.

Еще на заре Советской власти новый тип армии, где отдаются «приказы и приказания», за которыми должно последовать неукоснительное, бездумно-моментальное исполнение, многим людям тогда казался необычным, чем-то новеньким. Говорят, что самому Бухарину, одному из основателей Советского государства, принадлежат удивленные слова: «Террор отныне стал нормой управления, и безоговорочное исполнение всякого приказа сверху — высокой добродетелью». В те годы такая исполнительность была еще не всеми правильно понята. Теперь это — будни армии, и если и возникают какие-либо сложности, то только с выяснением конкретных лиц, отдавших тот или иной приказ.

Находиться в армии трудно еще и потому, что там... одни мужчины. Это все равно, как если собрать в компанию годика эдак на два одних женщин. При упомянутых отношениях, предписанных уставом, теплой компании из нашей армии что-то не получается. Вообще изоляция мужчин от женщин и женщин от мужчин противоестественна. Речь вовсе не о сексуальной стороне их отношений (об этой мелочи говорить не стоит), просто о жизни. В воинской части рождается патология так называемого «мужского общества». Речь опять-таки не о сексуальных извращениях, борьба с которыми в армии идет неустанная, или, выражаясь языком Дисциплинарного устава, «беспрекословная, точно и в срок». Это в тюрьмах и лагерях на все махнули рукой, и половые издевательства, рассказывают очевидцы, там распространены неимоверно. В армии морально чистое мужское общество не доставляет никакой радости его подневольным участникам.

Говорить не о чем. Школьные товарищи остались дома, учатся или тоже где-то служат. Сходятся между собой мужчины трудно. Это женщин всей земли объединяет их «женская доля», а какая «доля» у восемнадцатилетних юношей? Воспитание у всех разное. В части, где сотни стриженых голов, пойди найди себе товарища. А вот отвращение друг к другу вспыхивает поразительно быстро. Этому способствуют общие казармы. Понимаете, есть у мужчины часть тела, которая называется «ноги». И есть старинная обувь — сапоги. И еще более старинные портянки (онучи), которые взяты на вооружение нашей передовой армией из костюма Древней Руси. Во всяком случае, очень трудно представить, чтобы современный американский или французский солдат пользовался ими, как, кстати, и тяжеленными сапогами. Так вот, у каждого мужчины есть свой запах, и чужие мужские запахи он редко переносит мужественно. Есть среди мужчин великое множество таких, которые не стирают носовых платков, ругаются матом, затмевая им русский язык — непонятно, что он хочет сказать. Мужчины более агрессивны в своих привычках, склонны менее считаться с окружающими. Вынужденное долговременное сожительство редко рождает дружбу. Всего этого много в книгах и на экране. В армии отношения регулируются исключительно командами. Играми в отдание чести старшим. Наоборот, чтобы дружба ни в коем случае не возникала, «солдатская масса» разделяется изначально, сразу после приезда в часть. Одних ребят неизвестно почему отправляют в школу сержантов, а другие, с которыми они ехали, остаются в части. Через несколько месяцев ребята возвращаются «начальниками». Разумеется, читателю надо избавиться от сентиментального понятия «дома»: возвращаются, дескать, домой, а тут их ждут старые знакомые, встречают и радуются нашивкам на погонах. Из сержантской школы ребят рассылают в разные края и области страны, в разные стороны

света. Да и в той части, откуда их однажды куда-то повезли, давным-давно не осталось тех солдат, которые ехали вместе с ними. Их тоже уже давно разослали бог весть куда. Таким образом, в той части, куда тебя наконец-то привезли «для прохождения службы», нет ни одного человека, с кем коротал дурные ночи на вокзале, ехал в поезде, шел в одном строю с вокзала, мылся в бане, спал несколько суток на двухэтажных кроватях... Солдат попадает в толпу солдат, которых никогда сроду не видел.

Ровесники командуют ровесниками. Милосердие развивается в человеческом сердце с годами. Ровесники не знают жалости друг к другу. Более или менее жалостливы равные среди равных. Касты ефрейторов и сержантов образуются повсеместно. Если два взвода таскают бревна, то чужие ефрейторы и сержанты не таскают. Стать вровень со своим взводным ефрейтором немыслимо! А кто такой, простите, ефрейтор? Тот же солдат. Фамильярность будет пресечена — сержант даст наряд вне очереди: мойка стен, чистка уборной...

Курить — строго в отведенных местах. Читать книгу, писать письмо — в отведенное для этого время. Завтрак — по команде. Обед — строем. Ужин — тогда, когда поведут. Зарядка — все вместе. Не говоря уж о «по-одъемах» и «о-отбоях».

Несчастные офицеры, которые вынуждены работать такими злодеями, приходя домой, наверное, от армии отдыхают. Сами-то они просыпаются по будильнику, а не по крику, завтракают, когда захочется. Имитацию войны можно вынести месяц, два, ну, полгода, но два года изо дня в день?.. Однако солдаты Советской Армии, «строго соблюдающие законы и точно выполняющие требования военной присяги, воинских уставов», даже в уборную ходят по команде! Да смогли ли быть солдатами наши доблестные офицеры, почти полвека нетерпеливо ожидающие очередных военных действий?..

Но солдаты — могут. Обязаны. Основной Закон двухгодичную пытку называет «почетной обязанностью советских граждан». Почему именно почетной? Это одна из военных тайн. Американцы со своих спутников могут разгадать все наши военные тайны, но никогда не сумеют объяснить, почему обычная служба в армии почетна и приравнена к наградам или к званию «Заслуженный артист РСФСР». Тогда, выходит, и мужчиной родиться почетно.

Будучи отраслью чисто технической, Советская Армия ослаблена массами людей, пригнанных сюда во имя неведомого почета, однако не имеющих ни малейшей склонности к технике. Человечество уже несколько тысячелетий разделено на гуманитариев и негуманитариев. Армейские уставы это отменили. Главное — чтобы солдаты исполняли приказания. Можно приказать побежать, лечь, встать, но нельзя приказать освоить современный танк, пушку, зенитку, корабль, ракетную установку, даже примитивные телефоны и телеграф. Среди солдат великое множество людей с гуманитарными наклонностями или даже уже профессионалов своего дела с высшим образованием: музыкантов, актеров, философов, филологов, врачей, биологов, физиков-теоретиков. Есть немало таких, кто презирает оружие, убийство врага и не понимает, зачем вообще люди воюют друг с другом (этого не понимал до конца своих дней и Лев Толстой), кому нужна армия. Напуганные военкоматом и угрозой трибунала, они несут свой крест каждый день. Однако их способность к исполнению боевых команд все-таки имеет низкое КПД. Задача офицера — из сотен пригнанных к нему солдат выбрать тех, кто будет понимать его команды. Любой «начальник» скажет, насколько трудна эта задача и до какой степени она облегчена мирным временем.

Еще вопрос, пригодна ли всеобщая воинская обязанность во время войны!

Теперь некоторые специалисты задним числом говорят, что если бы у СССР была хорошо подготовленная армия, то немцы не подошли бы и к Москве. Почему же, спрашивается, дурные традиции так долго живут? Какой смысл иметь многомиллионную армию (3 700 000 человек), куда обязаны идти без разбору все мужчины по достижении ими восемнадцатилетнего возраста, отбывать взаперти за забором два года (!) и за это время всего лишь проверить себя: испытывает ли он тягу к профессиональной военной службе или нет?

Повальная воинская обязанность — это еще и чрезмерное расточительство. Мужское армейское общество, не забывайте, это 3 700 000 ртов, отличных мужских желудков, которые «практически здоровы», и мы можем поздравить их с хорошим аппетитом. Для налогоплательщиков стоимость этой армии едоков вместе с их оружием — 77 миллиардов 300 миллионов рублей в год! При этом офицеры, которые служат 25 лет и больше (в 1989 году в армии было сокращено только одних генералов 1400, тогда как в американской армии их всего 1073), ни съестного, ни промтовара не производят всю свою жизнь.

И после этого руководство Министерства обороны нас хочет разжалобить, говоря, что страна не может остаться без армии. Допустим, не может. Но какой она должна быть, эта армия? Почему армия раздевает догола рабочих, пахарей, танцоров, физиков, врачей, учителей, раздевает догола социальное обеспечение, народное образование, культуру, искусство, сиротство, которые существуют на «остаточных принципах»? Пусть к войне готовятся военные, набираются мастерства на своих полигонах. Не мобилизуют же всех девушек, достигших восемнадцати лет, в кордебалет Большого театра перед его поездкой по Европе! Хоть это и почетно.

Армия должна состоять не из кордебалета, а из профессиональных военных. Если речь идет о том, чтобы в случае войны каждый мужчина имел военную специальность, то, следовательно, его ей надо обучить в мирное время. Обучите! Но почему — два года? Почему — закрытая казарма? Почему не ввести простейшую экзаменационную систему без отрыва от дома, а в иных случаях и от работы, которая может быть очень близка военной специальности? На основе каких законов Министерство обороны ввело именно такой порядок прохождения воинской службы? Бессмыслица начинается уже с медкомиссии в военкомате — достаточно посмотреть на так называемых врачей в этих комиссиях. Они сидят в кабинетах за своими столами и в лучшем случае с их шеи свисает стетоскоп. Да еще в кабинете окулиста, вдали, на стенке, таблица из русского алфавита разным шрифтом. С таким же успехом в любой из этих кабинетов могу сесть я или пахарь. Нужно только набить руку и быстрее писать, потому что в коридоре ждут голые на сквозняке. Но и это тоже необязательно. Подождут. Сказано же в Дисциплинарном уставе со всей прямотой: военнослужащий обязан «стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы». Вот пусть стоят стойко без трусов — и начинают переносить. На то они и «мущины».

* * *

Эта статья не об армии. Она — о плохом отношении к человеку. Светлые умы знаменитых экономистов и публицистов бьются над формулировкой новых, ну совсем новых экономических законов. В новом составе Верховный Совет горячо обсуждает формы собственности, права на землю и заводское оборудование, роль кооперативного движения.

Но никто не говорит главного — **советский человек заслужил лучшего к себе отношения.** Новые экономические теории рассчитаны все-таки на принудительный труд, потому что оригинальные экономические ходы замечательно придумываются, обосновываются и рассчитываются чрезвычайно умными и образованными людьми, а чтобы их задумки реализовать, требуется управление.

С моей точки зрения, экономику придумывать — это уже нелепость. Так же как и управлять ею. Человек просто должен быть свободен в своем выборе: делать то или иное, к чему у него больше лежит душа. Вот и все. Сумма беспрепятственного исполнения личных желаний каждого — наверное, это и есть экономика. Но там, где вмешивается управление, исполнить свое желание бывает очень трудно. Тут человек начинает приспосабливаться и старается делать то, что от него требуется.

Одни стараются очень хорошо, у других это получается хуже — и тогда на повестку дня выдвигается вопрос о дисциплине. Одним ничего не стоит быть дисциплинированным, других она подводит каждое утро. Поэтому потом на повестку дня неизбежно выдвигается другой вопрос: как надо жить правильно, чтобы все были дисциплинированны одинаково... И т. д., и т. п. А одна только дисциплина, не говоря уж о других вещах, составляющих УПРАВЛЕНИЕ, это такая вещь, которой можно посвятить всю жизнь без остатка и сойти в могилу в атмосфере всеобщей ненависти и полнейшего забвения через полчаса после похорон и, естественно, не добиться того, чему посвятил всего себя, даже в малой степени.

Не надо больше человеком командовать, его участие в чем бы то ни было должно быть добровольным. В Англии вообще нет конституции. Человек там абсолютно свободен, ни к чему не принуждаем. Он даже совершить преступление свободен. Однако он знает, что, совершив его, потеряет свободу. И начнется принуждение на каждом шагу.

Когда же вся жизнь, каждый ее день — это сплошное принуждение и отсутствие выбора (в магазинной очереди стоят потому, что нет другого магазина, к этому врачу идти должен, потому что к другому нельзя, по траве пройтись нельзя, потому что это газон, на улице присесть не на что — улица для ходьбы, хочешь получить высшее образование — нельзя), то никакие новые экономические законы не сделают жизнь более приспособленной для жизни. Человек даже работать обязан! На него заведена трудовая книжка, которую обязан предъявлять, когда устраиваешься на другую работу. Господи, что делают с этими книжками, только бы от них избавиться,— и чернилами-то заливают, и теряют, заводя несколько дубликатов... Но именно работа и должна быть делом добровольным, только тогда труд станет свободным. Ни при каких иных условиях он свободным стать не может, понимаете? Так вот, когда вся жизнь — сплошное принуждение и насилие над личностью, то человека перестают пугать принуждение и насилие над личностью. Это становится его образом жизни. Подлог и взятка, убийство и кража, изнасилование и поджог, избиение и подножка — человек поразительно легко совершает все это! В подсознании у него мысль, что наказание никак не может оказаться страшнее его жизни. За девять месяцев 1989 года в СССР совершено 253 912 только тяжких преступлений. А всего 1 750 794.

Но советского человека упорно приучают к принуждению с самого рождения. Сначала, раз тебя записали в ясли, то обязаны туда носить. Пропустил — нужна справка от врача. Иначе отчислят. Желающих попасть в ясли «полно». Та же система — в детском саду. В школе. В институте. На работе. Жить в этом доме не хочешь? А ты тут прописан! В городе не нравится? Живи. Из родного села — ни шагу, в город не пустят. В армию — за-би-ра-ют. Еще и сейчас встречаются люди, которые по принуждению друг друга любят: их заставил партком, профком, Союз журналистов, ДОСААФ.

Назовите жизнь капитализмом, нэпом, хозрасчетом или коммунизмом — любая экономическая программа, не заискрившись, прогорит, если не изменится отношение к человеку. Если его не оставят в покое, не издадут указа, запрещающего учительнице кричать на ученика, милиционеру — воспитывать граждан, следить за тем, чем они там занимаются, работнице жэка — вникать в чужую личную жизнь, «уточнять» место работы...

Когда перед членами анонимной призывной комиссии обнаженный юноша на вопрос «Жалобы есть?» пересохшим ртом и разбухшим языком отвечает: «У меня мама в больнице, она умирает» — и слышит сочный ответ военкома, председателя той комиссии: «Ничего, когда умрет, вас отпустят на похороны!»; когда пожилая, лохматая и совершенно умалишенная психиаторша из той медицинской комиссии кричит кому-то в телефон: «Она шизофреничка! Она сказала, что если ее сына положат в психбольницу на обследование, то пусть тогда вместе с ним кладут и ее! Это же шизофрения!» — когда случаются подобные диалоги, то прежде всего хочется понять, зачем людей ставят в такое положение, когда они вынуждены состоять в подобных отношениях? Зачем их до таких отношений доводят?

Да пусть под вашим окном будет благоухать капитализм или расцветать перестройка, разве что-нибудь в этой жизни изменится для человека? Она мучительна для любого. Зачем, скажите, в нашем обществе созданы отношения, которые основаны на страхе за сына, за мужа, за брата, за друга от неподчинения каким-то командам? Что в таком обществе «передового» или свободного?

Яснее ясного дня, что если сегодня же отменить всеобщую воинскую обязанность, то армия сохранится. Сотни тысяч людей различных званий служат в ней добровольно, по зову сердца, по призванию. Ее необходимо вновь сделать добровольной, какой когда-то была Красная Армия. Но начать по-новому относиться к советскому человеку необходимо именно с нее, потому что в своем сегодняшнем виде она наносит сокрушительный удар по общечеловеческой морали. И по экономике, как бы красиво ее ни называли. Один призыв разом опустошает заводы и фабрики, землю — лишает их рабочих, только что окончивших ПТУ; техников, окончивших средние учебные заведения, и молодых специалистов высшей квалификации. Но кроме заводов и фабрик в стране существуют (видимо, по инерции, иначе этого не объяснить) театры, научно-исследовательские институты, больницы, магазины, городской общественный транспорт, ремонтные мастерские — учреждения, без которых человека не бывает. В театрах нет молодежи, в ремонтных мастерских — мастеров. Тяжелую мужскую работу в магазине, поезде, больнице, типографии выполняют девушки и женщины. Они стоят у станка, перевыполняют планы в кузнечном цехе и под землей. Все как во время войны!

Объявите, что весеннего призыва уже не будет. И осеннего. И следующего весеннего. Что их не будет больше никогда! До тех пор, разумеется, пока не начнется война и не будет принято решение верховной власти о всеобщей мобилизации.— И народы вздохнут облегченно. Люди тогда постараются вникнуть: о чем так горячо спорят в зале заседаний Верховного Совета? Пока что от них все это довольно далеко.

Армия — это квинтэссенция насилия, которое применяется в нашем обществе по отношению к гражданам. Но не о ней написана статья.

Елена ПАСТЕРНАК

СТРАШНЫЙ ГОД

В заметке к неизданному сборнику 1956 года Борис Пастернак писал, что в формировании его взглядов и «их истинной природы» большое значение имели политические процессы 1936—1937 годов.

«Я не всегда был такой, как сейчас, ко времени написания второй книги «Доктора Живаго»,— вспоминал он.— Именно в 36 году, когда начались эти страшные процессы (вместо прекращения поры жестокостей, как мне в 35 году казалось), все сломалось во мне, и единение с временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал».

Первым ударом, решительно оборвавшим общественно-политические надежды начала 30-х годов, был открытый судебный процесс над Зиновьевым и Каменевым. Извещение о нем появилось 15 августа 1936 года, а 21-го в «Правде» под заглавием «Стереть с лица земли» было опубликовано пространное письмо. Его подписали 16 писателей — В. Ставский, К. Федин, П. Павленко, Вс. Вишневский, А. Афиногенов, Н. Погодин, Л. Леонов и другие. Была среди них и подпись Пастернака.

Исследователь творчества Пастернака профессор Стэнфордского университета Л. Флейшман пишет:

«В другую историческую эпоху — или по отношению к другим литераторам в данную — появление подписи под составленным из обычных газетных штампов коллективным документом выглядело бы периферийным эпизодом и не заслуживало бы какого-нибудь исследовательского интереса. Но по отношению к Борису Пастернаку вопрос этот получает чрезвычайную остроту <...>: слишком вопиющей выглядела для современников пастернаковская солидарность с «требованием» о расстреле. Противоречившая всему духу пастернаковского творчества, она бросилась в глаза М. Цветаевой (муж которой, С. Я. Эфрон, в это время был уже втянут в террористическую деятельность НКВД). В письме к А. Тесковой она расценила поступок Пастернака как предательство Рильке:

«Вот Вам — вместо письма — последняя элегия Рильке, которую, кроме Бориса Пастернака, никто не читал. (А Б. Л.— плохо читал: разве можно после такой элегии ставить свое имя под прошением о смертной казни (процесс шестнадцати)?!)» [1]

Обстоятельства появления подписи Пастернака в газете выясняются из записи в дневнике А. К. Тарасенкова [2]: «Затем наступили события, связанные с процессом троцкистов (Каменев — Зиновьев). По сведениям Ставского [1] — Б. Л. вначале отказался подписать обращение Союза писателей с требованием о расстреле этих бандитов. Затем, под давлением, согласился не вычеркивать свою подпись из уже напечатанного списка. Выступая на активе «Знамени» 31 августа 1936 г., я резко критиковал Б. Л. за это. Очевидно, ему передал это присутствовавший на собрании Асмус [2]. Когда после этого я приехал к Б. Л.— холод в наших взаимоотношениях усилился. И хотя Б. Л., перед наступавшей на меня Зинаидой Николаевной, которая целиком оправдывала поведение мужа в этом вопросе, даже несколько пытался «оправдать» мое выступление о нем, видно было, что разрыв уже недалек».

[1] *Л. Флейшман.* Борис Пастернак в тридцатые годы. Иерусалим, 1984. С. 368. Заметим, что известные нам источники говорят о том, что Пастернак прочел «Элегию Марине Цветаевой» Рильке только в 1950-х годах (Ее прислал ему Ивар Иваск из США).

[2] Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909—1956) — литературный критик. Цитируемый документ хранится в собрании М. И. Белкиной.

Вероятно, именно к этому эпизоду относятся слова Пастернака из письма к К. И. Чуковскому от 12 марта 1942 года: «Когда пять лет тому назад я отказывал Ставскому в подписи под низостью и был готов пойти за это на смерть, а он мне этим грозил и все-таки дал мою подпись мошеннически и подложно, он кричал: «Когда кончится это толстовское юродство?!»

Отношение Пастернака к этому процессу проявилось также в письме Н. И. Бухарину, посланному 12 сентября 1936 года через день после того, как в «Правде» было опубликовано сообщение о прекращении следствия по делу Бухарина и Рыкова, обвинявшихся по показаниям Каменева в причастности к террористической деятельности.

А. М. Ларина вспоминает, что письмо Пастернака содержало поздравления с концом следствия и слова о том, что он никогда не верил в его виновность и рад, что Бухарина освободили от подозрений.

Иезуитский характер этой «реабилитации» показал начавшийся 23 января 1937 года процесс над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым. За неделю до этого исчезла подпись Бухарина, как ответственного редактора, со страниц «Известий» и появилось сообщение о привлечении его к новому судебному расследованию. Полосы газет буквально затопили писательские отклики. Отдельные заметки были подписаны людьми безусловной нравственной репутации — такими, как И. Бабель, А. Платонов, Ю. Олеша, Д. Мирский, Ю. Тынянов... Резолюцию президиума писателей 25 января 1937 года, напечатанную под названием «Если враг не сдается, его уничтожают», подписали 25 человек, среди которых были Вс. Иванов, А. Афиногенов, И. Сельвинский, Б. Пильняк. Подписи Пастернака на этот раз не было. Но в архиве Союза писателей (ЦГАЛИ, ф. 631) вместе со стенограммами выступавших на собрании Суркова, Безыменского, Сельвинского находится написанная карандашом записка Пастернака:

«Прошу присоединить мою подпись к подписям товарищей под резолюцией Президиума Союза Советских писателей от 25 января 1937 года. Я отсутствовал по болезни, к словам же резолюции нечего добавить.

Родина — старинное, детское, вечное слово, и родина в новом значении, родина новой мысли, нового слова поднимаются в душе и в ней сливаются, как сольются они в истории, и все становится ясно, и ни о чем не хочется распространяться, но тем горячее и трудолюбивее рабо-

[1] Владимир Петрович Ставский (1900—1941) — в 1936—1937 гг.— генеральный секретарь СП СССР.

[2] Валентин Фердинандович Асмус (1894—1975) — философ, историк, литературовед, друг Б. Л. Пастернака.

тать над выражением правды, открытой и ненапыщенной, и как раз недоступной в этом качестве подделке маскирующейся братоубийственной лжи.

Б. Пастернак».

Эту записку по машинописной копии из архива ИМЛИ (ф. 120) опубликовал Л. Флейшман.

По-видимому, текст попал в архив из «Литературной газеты», не решившейся тогда его напечатать.

Действительно, заметка представляет собой, с одной стороны, несомненное свидетельство оказанного на Пастернака давления, с другой — яркое противопоставление звериной ненависти и лжи резолюции разговора о любви к родине и правде. Как справедливо замечает Л. Флейшман, фраза: «К словам резолюции нечего прибавить» — находилась в прямом противоречии с теми вдохновенными формулировками, которыми дополняли казенную декларацию десятки писателей и деятелей искусства в своих индивидуальных заявлениях. Ни единым словом Пастернак не выразил своего «личного отношения», на что особенно напирали авторы этих заявлений, и выражение солидарности с резолюцией приобретало откровенно формальное звучание.

По иронии судьбы, пишет Флейшман, понятие родины, за измену которой теперь страдали представшие на суде, получило недавнюю реабилитацию и теоретическое обоснование в ответ на национал-социалистическую пропаганду в Германии именно в работах Радека и Бухарина, тех, кто теперь обвинялся в измене ей.

«В силу этого, обращение к данному термину в пастернаковском письме не могло не восприниматься как саркастическое напоминание об истории возникновения слова «родина в новом значении». В 1936 г. новое понятие легло в основу складывавшейся программы великодержавного национализма, наиболее яркое выражение получившей в статье «Великий русский народ»,— напечатанной в «Правде» 15 января 1937 года (за день до отставки Бухарина из «Известий»)» [1].

Но более всего, по мнению Флейшмана, противоречила «лексической системе» исторического момента концовка этого «лирически-исповедального» пассажа — слова о «братоубийственной лжи» могли быть поняты только как показания Радека, данные им на суде 24 января против его близкого друга Н. И. Бухарина.

Правильность такой трактовки подтверждает написанное, вероятно, одновременно с этой заметкой небольшое письмо Пастернака Бухарину, «как ни странно, не задержанное», о котором вспоминает А. М. Ларина. «В письме он писал, что «никакие силы не заставят меня поверить в ваше предательство». Он также выражал недоумение происходившими в стране событиями. Получив такое письмо, Николай Иванович был потрясен мужеством поэта, но чрезвычайно озабочен его судьбой» [2].

А. М. Ларина рассказывала нам в 1982 году, что Николай Иванович, хорошо понимая, что все письма, приходящие к ним в Кремль, проверяются, заплакал, прочитав письмо Пастернака, и сказал: «Ведь это он против себя написал».

Разворачивавшийся весною 1937 года террор перешел от политических врагов Сталина на широкие круги «ортодоксальной» писательской общественности. «В эти страшные и кровавые годы мог быть арестован каждый. Мы тасовались, как колода карт,— записал А. К. Тарасенков слова Пастернака, сказанные ему 1 ноября 1939 года.— И я не хочу по-обывательски радоваться что я цел, а другой нет. Нужно, чтобы кто-нибудь гордо скорбел, носил траур, переживал жизнь трагически».

Создавалась ситуация, при которой совестливому человеку становилось стыдно оставаться на свободе.

И следующий поступок Пастернака — на сей раз в связи с письмом, одобряющим расстрел военачальников (Тухачевского, Якира, Уборевича и других),— выглядит прямым самоубийственным актом и немыслимым пределом, с точки зрения сложившихся тогда норм поведения.

Этот эпизод Пастернак рассказывал неоднократно в поздние годы, о нем оставила свои воспоминания Зинаида Николаевна. В отличие от предыдущих публичных процессов, теперь писатели должны были скрепить своими подписями приговор закрытого суда над ведущими советскими полководцами, обвиняемыми в шпионаже.

«Мне никто не давал права распоряжаться жизнью и смертью других людей,— вскипел Пастернак, когда от него потребовали подпись.— Это вам, наконец, не контрамарки в театр подписывать».

Но на следующий день, 12 июня 1937 года, он обнаружил свою подпись в «Известиях». Он рванулся в Москву к Ставскому — требовать печатного опровержения. Зинаида Николаевна пишет, что Ставский вызвал свою машину и, усадив в нее Пастернака, отправил в Переделкино к ней с категорическим требованием никуда его не выпускать в ближайшие дни. Скорее всего, это была со стороны Ставского не столько забота о Пастернаке, сколько о себе самом, так как для него было не меньшей опасностью оглашение практики подобного сбора подписей под коллективными письмами.

И хотя никакого опровержения Пастернак не добился, но внутренне этот шаг очень многое в нем изменил и определил его будущее поведение. Он показал его духовную несгибаемость и физическую невозможность выполнять те требования, которые предъявлялись писателю в советском обществе.

Тридцать седьмой год положил предел его желанию «труда со всеми сообща», поставил его вне общественной жизни и вне официальной советской литературы.

«Не страдай за меня, пожалуйста,— писал он Ольге Фрейденберг 7 января 1954 года,— не думай, что я терплю несправедливость, что я недооценен. Удивительно, как уцелел я за те страшные годы. Уму непостижимо, что я себе позволял!! Судьба моя сложилась именно так, как я сам ее сложил. Я многое предвидел, а главное, я многого не в силах был принять,— я многое предвидел, но запасся терпением не на такой долгий срок, как нужно» [1].

---

[1] *Борис Пастернак.* Переписка с Ольгой Фрейденберг. Нью-Йорк. 1981. С. 305.
[2] Огонек. 1987. № 48.

---

[1] *Борис Пастернак.* Переписка с Ольгой Фрейденберг. Нью-Йорк, 1981. С. 305.

Лидия ЧУКОВСКАЯ

ОТРАВЛЕНИЕ ЛОЖЬЮ

(Из книги «Процесс исключения»)

Начиная с последних чисел августа 1973 года и на протяжении первой декады сентября в наших газетах велась систематическая травля Сахарова и Солженицына.

Она была давно ожиданной и по набору стереотипов совершенно заурядной. Кого только у нас не травили! Чьи только идеи не выворачивали наизнанку!.. Сахаров и Солженицын взяли на себя труд: самостоятельно осмыслить прошлое и современность, задуматься о будущем, да еще при этом, вместе с друзьями, взвалили себе на плечи защиту незаконно гонимых. Открытую, громкую. Ну как же было их не загрызть? Подвергают они сомнению законность, соответствие советской конституции того или другого приговора — стало быть, они антисоветчики. По-иному, чем газета «Правда», предлагают они вести борьбу за мир? стало быть, они жаждут войны... В каждом из них бьется своя, собственная, выработанная жизнью, а не из газеты вычитанная мысль, работает взыскательная, жестокая к себе, непримиримая, ищущая истины совесть — не циркулярная, своя — это подвижничество духовной работы ни в коем случае не может быть прощено. Если к совести присоединяется гениальность, а к гениальности мужество, то слово обретает огромную власть над людьми. Правящая власть не любит, чтобы над людьми являлась еще чья-то — органически возникающая, безмундирная. И до тех пор, пока почему-либо не считает возможным прибегнуть к прямому физическому насилию,— прибегает к отравлению людского сознания ядовитыми газами лжи.

Средства массовой информации, сосредоточенные в одних руках, дают для этой газовой атаки небывалые возможности. Ну как же людям, вдыхающим из каждого номера каждой газеты яд, не отравиться ложью и не возненавидеть Сахарова?

(Я считаю академика А. Д. Сахарова человеком, одаренным нравственной гениальностью. Физик, достигший огромного профессионального успеха, один из главных участников в создании водородной бомбы,— он ужаснулся возможным результатам своей удачи и кинулся спасать от них мир. Испытание новой бомбы людям во вред! Дело не в отказе от колоссальных денег и карьеры; нравственная гениальность Сахарова, даже если впоследствии он не создал бы Комитет Прав Человека, проявилась прежде всего вот в этом: одержав профессиональную победу, он понял не только пользу ее, но и вред. Между тем людям искусства и людям науки обычно ничто так плотно не застилает глаза, как профессиональная удача.)

В газетах осени 1973 года подвиг Сахарова был искажен и оболган. Честнейшего из людей, безусловно достойного премии мира [1], выставили на позор перед многомиллионным читателем как поборника войны.

Но, признаюсь, не это поразило меня, не это заставило схватиться за перо. Кого только и за кого только у нас не выдавала, в случае нужды, наша пресса!

[1] Которой он и был удостоен через год после написания этих строк, то есть в 1975 году.— *Примеч. 1977 г.*

Осенняя кампания семьдесят третьего года (не тридцать пятого, не тридцать седьмого-тридцать восьмого, не сорок шестого, не шестьдесят восьмого, а семьдесят третьего) против Сахарова и Солженицына поразила меня именами соучастников в преступлении.

Колмогоров. Шостакович. Айтматов. Быков.

Ведь это не какая-нибудь шпана, по первому свистку осуждающая кого угодно за что угодно. Это не какая-нибудь нелюдь. Это — люди.

Интеллигенция верит им: ведь «говорит сама наука», «говорит само искусство»! И верит не одна интеллигенция.

Знаменитыми своими именами деятели науки и искусства подтвердили клевету, соучаствовали в газовой атаке, цель которой — отравить сознание нашего народа новой ложью!

И лжесвидетельствовали они не под пыткой, не под угрозой пытки, не под угрозой тюрьмы, ссылки или какого бы то ни было вида насилия, а находясь в полной безопасности, по любезному приглашению телефонного звонка.

Вот что поразило меня. Вот почему — чтобы оказать первую помощь отравленным — я написала статью «Гнев народа» [1]. Вот почему я срочно вручила ее американскому корреспонденту: мне необходимо было, чтобы противоядие возможно скорее любыми средствами достигло отравленных.

Я понадеялась на радиостанцию «Голос Америки». Я не ошиблась. Статья моя достигла слуха многих миллионов обманутых моих соотечественников.

* * *

Четвертого января я получила повестку: явиться девятого на заседание Секретариата Московского Отделения Союза Писателей РСФСР в 2 часа дня, в комнату № 8.

Я в указанное время явилась. Захватила с собою кроме фломастеров, линз и дощечки — листы чистой бумаги для записи; напечатанное большими буквами прощальное выступление; а также список своих работ, сначала принятых издательствами, а потом без объяснений отвергнутых.

В вестибюле меня поджидали друзья. (Хоть и нет «Серапионовых братьев», а братство неистребимо. Не нами началось, не нами кончится.)

Поднялись все вместе на второй этаж, к дверям комнаты № 8. У дверей сторож. Друзья мои (члены Союза) просили у членов Секретариата допустить их в зал. Нет. Друзья просили допустить хотя бы кого-нибудь одного, чтобы помочь мне разбираться в бумагах. Нет. Члены Секретариата Правления МО СП — это, видимо, какие-то помазанники Божии, а все остальные — серость, не им чета.

Вот когда и друзей моих будут исключать поодиночке из Союза, тогда и каждого из них по очереди допустят в святилище. А пока что — одну меня.

Я вошла. Большая комната в несколько окон. Большой стол. За стол, шумно отодвигая стулья, садятся люди. Некоторые — вдоль стен. Их человек 20—25. Сели. И мне, вижу, оставлено место — неподалеку от председателя. (Председательствует поэт С. Наровчатов.) Я села, на-

[1] Статья напечатана в сборнике «Открытое слово» (изд-во «Хроника», Нью-Йорк, 1976), в книге «Процесс исключения» (ИМКА-Пресс. Париж, 1979) и в журнале «Горизонт», 1989, № 5.

чала раскладывать свои инструменты и бумаги и сразу поняла: беда. Комната очень большая, окна далеки от стола, я как ни устроюсь за столом — света мне не хватит. Настольных ламп нет, а верхний, если даже зажечь, недостаточен.

Я собрала все свое хозяйство, разложила на подоконнике и стала у окна.

Теперь свет падает щедро на мою дощечку, и я могу писать и читать.

Но председательствующий не называет имен говорящих (все они тут люди свои, хорошо между собою знакомы, зачем называть), а я из своей дали не вижу лиц. Голоса узнаю, но лишь некоторые. Вынуждена то и дело бросать карандаш, подходить к председателю, спрашивать шепотом: «Это кто говорит?» Он отвечает, не поворачивая ко мне головы. (Поэтическая вольность. Поэт не обязан быть вежлив.)

Так я слушаю, читаю, говорю, спешу от окна к председателю и от председателя обратно к окну, тороплюсь записать, тороплюсь ответить; люди говорят, перебивая друг друга, иногда в два или три голоса сразу, может статься, запись моя в результате беготни и спешки не совершенно точна. (Надеюсь, велась стенограмма, она позволит обогатить и уточнить мой текст.)

Наровчатов (объяснив, что собрались все члены Секретариата, кроме тех, кто представил для своей неявки уважительную причину) открыл заседание.

Огласил повестку дня.

Пункт первый — обсуждение персонального дела Л. Чуковской.

Затем прием новых членов.

Затем план работы Секретариата в первом полугодии 1974 года.

После того Наровчатов предоставил слово для доклада т. Стрехнину.

Стрехнин поднялся и, стоя, сообщил, что 14 декабря 1973 года Бюро Детской секции единогласно постановило ходатайствовать перед Секретариатом об исключении из Союза Писателей Лидии Чуковской — ввиду ее недостойного поведения. Что после этого он, Стрехнин, совместно с товарищем Медниковым, беседовал с Чуковской. Что я заявила им: «Статья «Гнев народа» передана мною американскому корреспонденту собственноручно». Что статья «Гнев народа» напечатана за границей в русской белогвардейской газете рядом с Галичем (я не поняла, рядом ли со стихами Галича или с его интервью; газеты не видела); что статья моя широко передавалась по иностранному радио на Советский Союз. «Ввиду того, что все присутствующие хорошо с ней знакомы,— сказал Стрехнин,— обсуждать ее по существу нет необходимости»[1]

«Вернемся к прошлому»,— предложил Стрехнин и занялся перечислением моих проступков.

1966 год — поддержка Синявского и Даниэля.

1967 год — письмо Шолохову, передававшееся «на Советский Союз» по иностранному радио.

(Уточняю: мое письмо Шолохову написано было в мае 1966 года и послано (кроме шолоховского) по восьми адресам — в три отделения Союза Писателей и в пять редакций советских газет[2].)

1968 — статья, направленная в «Литературную газету»,— ответ на статью против Солженицына.

Мне представляется наоборот: обсуждать тогда-то и возникает необходимость, когда обсуждающие знакомы с предметом.

[2] См. сборник «Открытое слово» и журнал «Горизонт», 1989, № 3.

1968 год — поддержка Гинзбурга, Галанскова и др.

Секретариат Союза Писателей вынес тогда Чуковской выговор.

1969 — телеграмма в Президиум Союза Писателей с протестом против исключения Солженицына[1].

За границей Чуковская опубликовала две повести: «Опустелый дом» («Софья Петровна».— *Л. Ч.*) и «Спуск под воду».

Наша задача сейчас не в обсуждении открытых писем и повестей. Мы должны принять меры на основании нарушения двух пунктов устава Союза Писателей: п. 2 и п. 10.

(Оба они, со всеми своими а, б, в, совершенно абстрактны и в любую минуту могут быть истолкованы как угодно. Устав требует, например, участия члена Союза в общественной деятельности. Но почему общественной деятельностью писателя считается, например, соучастие в чьем-нибудь исключении — по приказу Секретариата,— но не в защите кого-нибудь из товарищей, которыми Секретариат недоволен?)

Чуковская сама поставила себя в положение, несовместимое с членством в Союзе Писателей.

Юрий Яковлев (захлебываясь, глотая буквы, слоги, слова): Мне трудно говорить, товарищи... Вы меня простите, но мне говорить слишком трудно... Во мне вся эта история вызывает глубокую горечь... Слишком глубокую... Вот недавно в Новосибирске наш советский подросток стрелял в нашего советского часового... Это ужасно, товарищи... В Новосибирске совершилось ужасающее преступление. (Я слушаю оратора с полным сочувствием. Тем более что один из воспитателей советского юношества — не кто иной, как сам товарищ Ю. Яковлев: это его книги каждую минуту издают и переиздают все советские издательства по всей необъятной Советской стране, на них воспитывается советское юношество. Как же ему не волноваться!) И вот, товарищи, когда по радио слышишь статьи, подобные статье Чуковской, начинаешь понимать, откуда берутся ужасные преступления. Передачи, подобные «Гневу народа»,— вот их источник... Вы меня извините, я больше не могу говорить, я слишком взволнован.

Рекемчук: Название «Гнев народа» — это что же, она гневается от имени народа? Вы — представитель разгневанного народа?

Я: Напротив, я подчеркиваю в своей статье, что говорю ни от чьего имени, от одной себя, что я ничей не представитель. Ведь вы мою статью читали? Там это сказано. А название дано мною чисто иронически.

Редакции газет сначала организовывают гнев знаменитостей, тех, кому поверит читатель, а потом «гневные письма трудящихся». Имитация гнева. Опасная игра потому, что кончится она впоследствии истинным гневом. Я этого не хочу и боюсь, и об этом своей статьей предупреждаю.

Рекемчук: В вашей статье — барское пренебрежение к народу, к рабочим, таксистам, хлеборобам.

О Солженицыне. Мы уже несколько лет имеем удовольствие читать его антисоветские, монархические произведения. И вы становитесь на

---

[1] Не записала и не помню: назвал ли Стрехнин среди моих преступлений также и мое письмо в защиту Рейзы Палатник, обращенное к Верховному Суду УССР (1971) (см. сборник «Открытое слово». С. 69). Телеграмма же о Солженицыне опубликована в том же сборнике на с. 65, и текст ее таков:

«В Президиум Союза Советских Писателей СССР.

Я считаю исключение Александра Солженицына из Союза Писателей национальным позором нашей родины.

Лидия Чуковская,
11 ноября 1969 года».

те же классовые позиции! Под конец жизни вам льстит ваша скандальная известность!

Я: Почему же под конец? Я пока еще не собираюсь умирать.

Юрий Жуков: Я уважаю прежние статьи Лидии Чуковской. Однако логика фракционной борьбы привела вас к защите всех антисоветчиков: Гинзбурга, Галанскова, Солженицына. Вы оскорбляете тех, кого вы отбрасываете.

Я: Кого же я отбрасываю?

М. Алексеев: Любопытно отметить, что о н а явилась сюда с ответами, заранее заготовленными на бумаге. Посмотрите, какая груда листов! Это напоминает мне заседание с Солженицыным. Солженицын тоже пришел со стопкой. И вот сейчас мы видим то же самое.

Все это уже где-то заранее согласовывалось и репетировалось.

Я поддерживаю предложение Детской Секции: Чуковскую надо исключить.

А. Медников: Я прочитал много раз «Гнев народа». Эта статья вызывает чувство возмущения. Надо дать общую оценку Солженицыну, Максимову, Чуковской.

Их деятельность — проявление ожесточенной классовой борьбы.

Они ведут классовую борьбу в идеологии.

«Гнев народа» — целая цепь клеветы и оскорблений, адресованных писателям и народу. Это оскорбление власти: как будто власть строит стену между писателями и народом. Это оскорбление интеллигенции — в лице, например, Кожевникова. О н а пишет, что его «спустили» на Сахарова и Солженицына... Ведь это собак спускают. Кожевников не собака, а человек.

Я: Конечно, Кожевников человек. Собаки не пишут статей — ни от души, ни со специальной целью ввести читателей в заблуждение.

А. Медников: «Гнев народа» — статья, оскорбляющая партию. Под конец это уж прямая угроза. В письме Максимова тоже содержалась угроза. После такой статьи, как «Гнев народа», нельзя быть не только членом Союза Писателей но и гражданином Советского Союза.

Н. Грибачев: С горечью думаешь о том, что Лидия Чуковская носит фамилию Корнея Чуковского. У меня эти два имени не укладываются в сознании рядом.

Я: Если вы так почитаете Корнея Чуковского — где все вы были, когда в нашей печати обливали его грязью?

Н. Грибачев: Сахаров — уважаемый физик, но в политике он жалкий либералишка. У Солженицына скопилась злоба из-за давних обид.

А что же у вас? Вы завидуете их славе на Западе?

Что такое Солженицын в литературе? В лучшем случае беллетрист среднего пошиба. В его писаниях можно найти 2—3 удачные страницы.

На международном рынке он спекулирует антисоветчиной, чтобы нажить себе состояние.

Он оплакивает царя батюшку.

Я: Невозможно слушать, что вы говорите. Солженицын — и спекуляция! Где же он оплакивает царя? В «Августе четырнадцатого» Николай II изображен ничтожеством, и ничтожный царь и его бездарные генералы ответственны за гибель сотен тысяч людей, за гибель целой армии.

С. Наровчатов: Прошу не перебивать. Вам будет предоставлено слово.

Н. Грибачев: Благодаря усилиям правительства Советского Союза мир пришел к разрядке международной напряженности. В связи с этим обостряется классовая борьба, а с нею растет антисоветчина. В этих

Натюрморт с чашами. 1972

Кувшин и свитки. 1981

Натюрморт с чашами. 1988

Натюрморт со сломанной веткой. 1988

условиях все антисоветское, что поступает отсюда, щедро оплачивается на Западе золотом и славой. И вы дали себя втянуть в эту грязь? Вы думаете, что Би-Би-Си удастся свернуть наш народ с его пути? Ошибаетесь.

Вы просто-напросто презренный поставщик материалов для антисоветской пропаганды.

Я: Импрессарио, как выразился министр культуры ГДР.

Н. Грибачев: Вы ото всего далеки. Вы потеряли человеческое отношение к людям. Не только к нашим, советским, но и к тем, за рубежом, кто ведет благородную борьбу за прогресс.

Вас надо исключить и довести наше решение до широкой общественности. Вы считаете, что наш народ глуп.

Я: Напротив, у меня написано, что наш народ умен, но он не осведомлен, потому что вы намеренно лишаете его информации.

Н. Грибачев: Предложение Детской Секции следует поддержать. Чуковскую необходимо исключить, и пусть «Литературная газета» позаботится о широких читательских массах. И другие газеты. Ее нужно выставить на позор перед народом.

А. Барто (грудным голосом): Я очень волнуюсь. Мне трудно говорить. Я вижу перед собой другую Лидию Корнеевну Чуковскую. Когда-то она проявляла критический пыл, вела наступление на художественно слабые вещи. В те времена я относилась к ней с уважением. Но теперь я разделяю горечь детских писателей... Чем объяснить, как может человек дойти до такой антисоветчины, до такой злобы? Мне хочется спросить у вас: почему вы такая злая? Откуда в вас столько злости? Я вчера прочитала «Гнев народа» — впечатление удручающее. Злость, злость, злость.

Кто-то: Логика фракционной борьбы.

А. Барто: Мне очень тяжело говорить. За вашими плечами мне видится тень, дорогая для меня и для всех нас,— тень вашего отца...

Хор (общий одобрительный гул, в котором я с особенной отчетливостью различаю голос Лесючевского): Корней Иванович! да... уважаем... любим... основоположник... классик... имя окружено почетом... высокая оценка... высокие награды... любимец советского народа...

Я (Лесючевскому): Вы, Николай Васильевич, имеете полную возможность выразить свое высокое уважение к Корнею Чуковскому: в издательстве, подведомственном вам, выпустить в свет хотя бы одну из его книг. Или хотя бы включить в план. Ведь не стали книги Чуковского хуже от того, что он умер,— ни «Чехов», ни «Воспоминания», ни «Высокое искусство», ни «Живой как жизнь». А вот ни в одном плане издательства взрослых книг Корнея Чуковского — никаких, даже признанных, хвалимых — почему-то больше нет. Читатель постепенно лишается их.

Лесючевский отвечает что-то невнятное. Что-то вроде: «Это не от меня зависит», или «Нет бумаги», или и то и другое вместе.

А. Барто: Вот у меня в руках пригласительный билет в Театр Образцова на спектакль по сказкам Чуковского. «Наша Чукоккала»... Прямое доказательство, как его любят и помнят.

Я: Представьте себе, какая странность, даже я получила пригласительный билет в Театр Образцова. Там Чуковского действительно любят и помнят. Детгиз печатает его детские сказки. А вот Союз Писателей об издании его книг для взрослых не заботится. Повторяю: литература состоит из книг. Если вы ведаете литературой, то почему же не переиздаются ни «Живой как жизнь», ни «Воспоминания», ни «Чехов», ни «Высокое искусство» — книги Чуковского?

А. Барто: Мы любим и помним Корнея Ивановича. Он учил людей добру. Он своими сказками и всей своей личностью звал к добру. У меня сохранились 4 письма от него... и все 4 такие добрые...

Я: Представьте себе, какая странность: у меня тоже сохранились: 294. Двести девяносто четыре письма от него — и все такие добрые — и даже до последнего дня.

Ю. Яковлев: Да, да, я видел письма Корнея Ивановича к Агнии Львовне собственными глазами! Они очень, очень добрые!

А. Барто: В своих письмах Корней Иванович хвалит мои стихи, благодарит меня. Он очень ценил мои стихи. Он был добрый человек. А вы — злая. Откуда в вас столько злобы? Опомнитесь, Лидия Корнеевна, подобрейте!

Я: Корней Чуковский был человек не злопамятный, это правда. Но мне, чтобы знать, как он относился к поэзии Агнии Барто, не требуются его четыре любезные письма. Между его и вашими стихами нет ровно ничего общего — его стихи растут из фольклора и классики; у ваших — другой источник. И вы, когда было приказано вести борьбу против народных стихов, помогали вытаптывать сказку, всякую сказку, в том числе и сказку Чуковского. Тем не менее Корней Иванович способен был к объективности, ценил некоторые ваши стихотворные удачи, особенно ваше умение выступать перед детьми с эстрады, владеть школьной аудиторией. И бывал благодарен вам, когда вы выступали в построенной им детской библиотеке или на его ежегодных праздниках — «Кострах».

Но вот что примечательно: вы, Агния Львовна, всю жизнь платили ему за добро злом. Ваша подпись украшает собою письмо против народных сказок и против сказок Корнея Чуковского, напечатанное в «Литературной газете» в 1930 году. Там много подписей, и среди других — ваша [1]. В 1944 году против Корнея Чуковского выступила уже не «Литературная газета», а «Правда»: в «Правде» обозвали военную сказку Чуковского «несуразным ш а р л а т а н с к и м бредом». Он был немедленно вызван в Союз. Для защиты? Нет. Союз никогда не защищает своих членов — для расправы. (Не в этой ли самой комнате с ним и чинили расправу тогда?) В «Правде» говорилось, между прочим, что Корней Чуковский с о з н а т е л ь н о о п ош л я е т задачи воспитания детей в духе социалистического патриотизма... То же повторялось и на Президиуме. Когда Корней Иванович вернулся домой, я спросила: кто был ниже всех? Он ответил: «Барто».

А. Барто (пожимая плечами): Я не понимаю... Что же, по-вашему, Корнея Ивановича и покритиковать нельзя? Мы все его уважаем, он, конечно, основоположник, но ведь у каждого писателя бывают неудачи... Покритиковали одну сказку — что же тут такого...

Хор: Одну сказку... Уж и покритиковать нельзя... Литература движется вперед критикой... Советская литература всегда была сильна свободой критики... «Правда» покритиковала... Президиум покритиковал... Одну сказку...

(Какое неуважение к фактам, к литературной истории, какое полное пренебрежение к памяти, к документам! Не «одну сказку покритиковали», а не было ни одной сказки Чуковского, которую не запрещали бы. «Одну сказку!» «Покритиковали!» Слушая этот общий ханжеский гул, я вспоминала: мельком, не по порядку, на выбор: статью Н. Крупской против «Крокодила» [2], статью К. Свердловой под заглавием

[1] «Литературная газета», 27 января 1930.
[2] «Правда», 1 февраля 1928.

«О «Чуковщине». «Мы должны взять под обстрел Чуковского и его группу»,— писала К. Свердлова, высмеивая тут же истоки «национально-народной» поэзии [1]. Вспоминались мне также статьи Д. Кальма, Е. Флериной [2]; из года в год бесконечные нападки на «Мойдодыра», «Крокодила» и в особенности на «Муху-Цокотуху»... История всех этих преследований подробно изложена в главе «Борьба за сказку» в книге К. Чуковского «От двух до пяти»... Нет, вопреки истории они повторяют и будут повторять: «Одну сказку... покритиковали...» Борцы за свободную критику!.. Вспомнили бы резолюцию общего собрания родителей — не каких-нибудь там заурядных пап и мам, а кремлевских, собравшихся в детском саду при Кремле: «Мы призываем к борьбе с чуковщиной»... [3] Призыв этот был, разумеется, услышан и подхвачен. «Среди моих сказок,— пишет К. Чуковский,— не было н и о д н о й, которой не осуждала бы в те давние годы та или иная инстанция...» [4]

И вот я дожила: «Одну сказку... покритиковали...»)

Но все эти воспоминания, промелькнувшие у меня в уме под звуки общего гула, я опустила, а сказала только о том, о чем зашла речь,— о «критической статье» Юдина 1944 года.

Я: Есть люди, которые утверждают: критика — это лирика. Другие: критика — это наука. Но то, что было напечатано в «Правде» в 1944 году и что так горячо поддержал Президиум Союза Писателей и с особым усердием Барто,— критикой никак не назовешь. Это бюрократический циркуляр, пересыпанный бранью.

А. Барто: Я не понимаю, Лидия Корнеевна, вы вообще совершенно отказываете людям в праве иметь собственное мнение. Вы требуете, чтобы все думали так, как вы. А я за свободу мнений. Я думаю, как Шостакович и Чингиз Айтматов, а вы — как Солженицын и Сахаров. Я вас зову: опомнитесь! подобрейте!

Мне тяжело думать, что на светлую память о Корнее Ивановиче, учившего нас доброте, ложится ваша тень.

Я: Представьте себе, о том же оказалось тяжело думать и членам Детской Секции. Ваши свободные мнения сработаны по общей шпаргалке, слово в слово.

Лесючевский: То, что здесь происходит,— чудовищно. О н а пришла сюда и ощущает себя спокойно-враждебной. Агния Львовна обратилась к ней так трогательно, с такой задушевностью, а о н а в ответ еще пытается нам диктовать, навязывать свою антисоветчину. Мы взволнованы, потому что затронуто самое заветное для нас, святое, а о н а словно играет в какую-то игру. Антисоветизм в наши дни — знамя реакции во всем мире, и вот в эту минуту человек выступает антисоветчиком!

Я: Я уже давно пыталась добиться определения слова «советский» и «антисоветский». Эти понятия непрерывно меняются. Были, например, годы, очень долгие, когда писать доносы считалось «по-советски». Были годы, очень недолгие, когда, напротив, считалось «по-советски» спасать и устраивать на работу тех, кто вернулся из преисподней, куда был ввергнут доносами.

Понятия «советский» и «антисоветский» столь текучи, изменчивы и неопределенны, что даже вы, т. Лесючевский, крупнейший, можно сказать, специалист, и вы иногда ошибаетесь в определении. Так, в 1962 году руководимое вами издательство приняло мою повесть «Софья Пет-

[1] «Красная печать», 1929, № 9—10, с. 92—94.
[2] «Литературная газета», 30 декабря 1929.
[3] «Дошкольное воспитание», 1929, № 4, с. 74.
[4] Корней Чуковский. От двух до пяти. М.: Детская литература, 1968, с. 270.

ровна», в которой рассказывается о 1937 годе; в ту пору эта повесть сочтена была вашим издательством что ни на есть «советской», она разоблачала «культ»; через несколько месяцев приказано было сократить, притупить разоблачение культа, и мою повесть отвергли. В ней был срочно обнаружен «идейный перекос». Она оказалась уже не вполне советской... Сейчас в моем «персональном деле» та же повесть, некогда принятая вами, потом отвергнутая вами и напечатанная за границей, трактуется как «антисоветская»... Значит, даже вам, знатоку в определении антисоветчины, случается иногда ошибаться. Виноваты в своих ошибках не только вы, но и растяжимость понятия: не угнаться.

Лесючевский (скороговоркой): Ваша повесть никогда не была принята и одобрена издательством. У вас был всего лишь двадцатипятипроцентный, предварительный (!) договор.

(Распространено мнение: правда обезоруживает. Видно, не всегда это так. Наглая, открытая, себя не стыдящаяся ложь — публичная ложь под стенограмму — лишила меня дара речи, обезоружила. Я, располагающая всем материалом, необходимым для опровержения лжи, я ответила нечто беспомощное: «Как вам не стыдно» и «Сохранились ведь документы». У меня кончился голос, это были не возражения, а лепет.

Интересно, какие шаги предпримет Лесючевский, если ему на глаза попадутся эти строчки? Найдет в архиве издательства и уничтожит положительные рецензии? И договор, где в соответствующей графе стоит слово «одобрена»? Прикажет суду уничтожить протокол заседания? Выгонит из редакции своего издательства всех знакомых тогдашних редакторов? Отравит всех присутствовавших на суде? Объявит решение суда — антисоветчиной? Всего можно ждать, кроме одного: прочитав эти строки, Лесючевский открыто заявит: да, в 1962 году повесть Лидии Чуковской «Софья Петровна» в издательстве «Советский писатель» была п р и н я т а и о д о б р е н а, к ней были сделаны рисунки, автору выплачены 60 процентов, дающие право на 100, а позднее, весною 1963, когда приказано было всем издательствам умерить разоблачения Сталина,— отвергнута.)

Лесючевский: Сахаров и Солженицын — для Чуковской всего лишь повод. Она ненавидит советский народ. Народ для нее быдло.

(Я слышу, как он громко перелистывает бумаги — под его пальцами щелкают листы. Догадываюсь: это корчится моя статья.)

Лесючевский: Что здесь написано?.. Народ у нас, оказывается, управляется кнопками: нажмите кнопку, и он исполнит приказ. Власть управляет народом с помощью кнопок. (Листы щелкают все громче. Из груди оратора вырываются вопли, стоны.) Перед нами открытая антисоветчина. Мы должны дать ей отпор... Статья Чуковской оканчивается прямым призывом к бунту... О н а угрожает нам: народ взбунтуется и сметет нас. И мы еще это обсуждаем... Чудовищно...

(Листки шуршат и щелкают. Лица Лесючевского из своей дали я не вижу, но вижу, что он хватается рукой за грудь.)

Хор (главноуспокаивающие — Грибачев и Жуков): Николай Васильевич! Коля! Ты не волнуйся... Не стоит она того... Вспомни: у тебя больное сердце... был инфаркт... надо щадить себя... тебе вредно волноваться... Да и о чем? Ведь это все фантастика... Выдумки... Никакого бунта...

(Видя, как они хлопочут, утешая Лесючевского, я испытываю желание предложить ему антиспазматические лекарства, которыми набиты мои карманы. Но не отваживаюсь.)

Голоса: Николай Васильевич! Дружище! Не волнуйся! Вспомни, дорогой, ведь мы страна победителей! Мы взяли Берлин! И ты расстраиваешься! Из-за чего? Из-за какой-то несчастной статейки. Стоит ли переживать? Ведь всем все ясно. Ее антисоветская позиция ясна. И не только ее. Кое-кто сочувствует. Н о м ы и в с о ч у в с т в у ю щ и х в г л я д и м с я.

Я: Не расстраивайтесь, Николай Васильевич, в моей статье никакого призыва к бунту нет. Вся моя статья — призыв не к бунту, а к прекращению злостной, умышленной дезинформации читателей. (Обращаюсь к Стрехнину): Юрий Федорович, прошу вас, огласите концовку моей статьи. Там никакого призыва к бунту, там говорится о том, чего я изо всех сил н е х о ч у.

Стрехнин читает последний абзац моей статьи, опустив заключительную фразу.

«А вы, Кожевников, и те, кто нажимает кнопки, вы, намеренно задувающие сияние лучших умов, которыми нас дарит родная земля; вы, возводящие газетную — железобетонную — стену между лучшими умами и «простыми людьми»; вы, пытающиеся повернуть историю вспять; вы, искусственно, механическим нажатием кнопки, вызывающие вóлны «народного гнева», предпочитая немоту любому слову,— смотри́те, чтобы из-под земли не вырвался подлинный гнев, и тогда он как лава затопит не только вашу убогую стену, но — ничем не просветленный, не очищенный ничьей одухотворяющей, умиротворяющей мыслью — мыслью академика Сахарова, например,— он утопит в крови, без разбора, и виноватых и правых».

Я (кричу): Вы не дочитали до конца! Дочитайте до конца!

Стрехнин: «Хочу ли я этого? Нет. Этого я никому не желаю». Последняя фраза, Лидия Корнеевна, ничего не меняет.

Я: Да ведь вся моя статья написана в предостережение насилию! Вся — до последней фразы! Перестаньте лгать! Это приведет вас же к беде!

Катаев: Я хочу поставить один вопрос: о порядочности. Вот уже года два о н а вступила в борьбу с Советским Союзом и с Союзом Писателей. Почему же о н а сама не вышла из Союза? Этого требует элементарная порядочность, которая е й, как видно, несвойственна.

Я: Никакой борьбы против своей родины я не веду и никогда не вела. А отчислить меня — не от Союза Писателей, а от интеллигенции, опозорившей себя травлей Сахарова и Солженицына,— я попросила сама. В той же статье «Гнев народа». Прочитав имена интеллигентов под письмами в газету.

Кто-то: А вы, прежде чем передать свою статью за границу, предлагали ее какой-нибудь редакции здесь?

Я: Здесь? Где даже проредактированная мною рукопись моего отца не была принята к печати т. Поздняевым потому, что под статьей стояла пометка: «Подготовила к печати Лидия Чуковская»? Здесь, где не было напечатано ни одно мое «открытое письмо»? Где мне вернули мою ахматовскую работу — вернули п о с л е принятия, без объяснений причин? Для чего же, кому и что я буду предлагать? Для новых издевательств? В журнале «Семья и школа» мои воспоминания о Корнее Ивановиче оборваны были на полуслове за то, что они — *мои.* После передачи по иностранному радио статьи «Гнев народа» те же воспоминания вышвырнули из детгизовского сборника. Без всяких объяснений. «Об этом не может быть и речи»,— объявлено было составителям. Для чего ж я буду предлагать что-нибудь? Для новых унижений?

А. Самсония: Я хорошо понимаю тех, кто, подобно товарищам Лесючевскому, Яковлеву, Барто, волнуется, прочитав статью Чуков-

ской; понимаю я и тех, кто, прочитав, остается непоколебимо спокоен.

Наивно с нашей стороны было бы думать, что вы, Лидия Корнеевна, не понимаете, что делаете. Вас поддерживает оголтелая антисоветчина.

Войну Отечественную зачеркнуть не может ни Солженицын, ни Сахаров, ни вы. Мы великая страна, и ваши попытки жалки.

Вы воображаете, что вы герой? Вы возомнили себя фигурой? У вас жалкий вид! Вы жалкая личность! Вы порочите имя своего отца.

С. Наровчатов предоставляет слово мне.

Я (читаю приготовленный заранее текст): Через несколько минут вы единогласно исключите меня из Союза. И я из числа членов Союза Писателей перейду в другой разряд — в разряд исключенных из Союза. Это горько, потому что в Союзе Писателей много людей талантливых, честных и чистых. И это лестно, если вспомнить, что к разряду исключенных принадлежали в свое время Зощенко и Ахматова, что исключенным умер Пастернак, что недавно вы исключили Солженицына, Галича и Максимова. Я не равняю себя с такими великанами, как Ахматова или Солженицын, но горжусь тем, что вы вынуждены применить ко мне ту же меру, что и к ним.

Сегодня вы приговариваете меня к высшей для писателя мере наказания — несуществованию в литературе. Начали вы разлучать меня с читателями, то есть не переиздавать мои старые и не печатать новые книги, уже давно. Сделать любого писателя вовсе не существующим и даже никогда не существовавшим вполне в вашей власти. Пресса в ваших руках — в руках Президиумов, Секретариатов и Правлений. Вы перестали переиздавать мои работы о Миклухо-Маклае, о Герцене, о декабристах, о Борисе Житкове, мои критические статьи и книгу «В лаборатории редактора» — и вот в сознании читателей меня почти нет. Но ссылаться на мои книги до сих пор еще было кое-где, в малотиражных изданиях, разрешено. Теперь вы запретите и это. Хвалебные статьи о моих работах, печатавшиеся в советской прессе, будут отправлены в спецхран, то есть от читателя скрыты. После выхода в Америке моей старой книги «Спуск под воду» вы оборвали печатанье в журнале «Семья и школа» моих воспоминаний о Корнее Чуковском. После опубликования за границей моей статьи «Гнев народа» вы изъяли мои воспоминания о Корнее Чуковском из сборника Детгиза.

Исключением из Союза завершается приговор к несуществованию. Меня не было и меня нет. (На заседании Бюро Детской Секции т. Кулешов уже заявил, что меня не было, а читатель возразить возможности не имеет — негде.)

Но *буду* ли я? Всегда, совершая подобные акты, вы забывали и забываете и сейчас, что в ваших руках только настоящее и отчасти прошедшее. Существует еще одна инстанция, ведающая прошлым и будущим: история литературы. Вспомните: ваши предшественники травили годами и не печатали десятилетиями Михаила Булгакова, а теперь вы похваляетесь им на весь мир. Вспомните годы, когда был пущен в ход вами или вам подобными бранный термин «чуковщина». Вспомните: в 1944 году некто Юдин в газете «Правда» опубликовал статью «Пошлая и вредная стряпня Корнея Чуковского». Тогда вы за Чуковского не заступились — напротив, усугубили травлю. А высшая инстанция через два десятилетия вынесла иной приговор. Юдин же, если войдет в историю литературы, то только как автор этой постыдной статьи. Других оснований у него нет.

Вам бы тогда защитить от Юдина — Корнея Чуковского, а вы вместо этого т е п е р ь охраняете Корнея Чуковского от меня.

История литературы, а не вы, и на этот раз решит — кто литератор, а кто узурпатор.

В 1885 году Толстой писал Урусову:

«Да, начало всего — слово: Слово святыня души... И слово это есть одно божество, которое мы знаем, и оно одно делает и претворяет мир».

Слово — дух! — от вас отлетело.

Таким словом руководить нельзя, даже имея очень сильные и очень длинные руки. Положение слова в нашей стране истинно отчаянное: если человек говорит что-то, не совпадающее с вашим сиюминутным мнением, его объявляют антисоветчиком; если за границей критикует кто-нибудь нечто дурное, совершающееся в нашей стране,— это объявляется вмешательством в наши внутренние дела. Так вы руководите. А словом, святыней души, руководить нельзя; таким словом можно увлекать, излечивать, счастливить, разоблачать, тревожить, но не руководить. Руководить можно только помехами слову, препонами слову, плотинами слову: изъять книгу из плана, изъять из библиотеки, рассыпать набор, не напечатать, исключить автора из Союза, перенести книгу из плана 74 на 76, а бумагу присвоить себе или напечатать миллионным тиражом прозу Филева. Вот такой деятельностью вы и руководите. Мешать. Тормозить. Запрещать.

«Слово — святыня души. Оно одно претворяет мир». Ему помешать бессильны даже вы.

Несмотря на все, чинимые вами помехи, на 37—38-й годы и на предыдущие, на 46, на 48, на 49—51, на 58, 66, на 68 и 69 — русская литература жива и будет жить.

...А Муза и глохла и слепла,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

Чем будут заниматься исключенные? Писать книги. Ведь даже заключенные писали и пишут книги. Что будете делать вы? Писать резолюции.

Пишите.

Я начала читать заготовленное мною дальше — перешла к Сахарову и Солженицыну:

— Сахаровым наша страна и каждый из нас должен гордиться. Он первый заговорил о спасении Человечества не войною, а единением народов; первый сочетал глобальные заботы с заботами о судьбе каждого отдельного Человека. Каждая человеческая судьба для Сахарова — родная ему судьба. То, что сейчас именуется «борьбой за разрядку международной напряженности»,— это идея Сахарова, из которой совершено горестное вычитание: борьба за отдельного человека.

Тут поднялся такой неистовый крик, что я уронила бумаги на пол. Нагнулась, чтобы подобрать, и уронила очки. Собрала бумаги в охапку, но разбирать, где какая страница, уже не могла.

А между тем, заговорив о Сахарове и Солженицыне, я хотела опять вернуться к основной теме своего выступления: «слово есть поступок», как утверждал Джон Рескин, слово — это и есть дело (отчего у нас и карают за слово более жестоко, чем за «дело»), как утверждал Герцен; я хотела напомнить своим собеседникам: слово истины непобедимо, а если победимо, то лишь временно. Я хотела огласить пророчество Чаадаева:

«Главный рычаг образования души есть, без сомнения, слово... Иногда случается, что проявленная мысль как будто не производит никакого

действия на окружающее; а между тем — движение передалось, толчок произошел; в свое время мысль найдет другую, родственную, которую она потрясет, прикоснувшись к ней, и тогда вы увидите ее возрождение и поразительное действие в мире сознаний»[1].

Я хотела напомнить утверждение Льва Толстого:

«Истина, выраженная словами, есть могущественнейшая сила в жизни людей. Мы не сознаем эту силу только потому, что последствия ее не тотчас обнаруживаются»[2].

И — запись в Толстовском Дневнике:

«Нынче думал... о том, какая ужасная вещь то, что люди с низшей духовной силой могут влиять, даже руководить высшей. Но это т о л ь к о д о т е х п о р, пока сила духовная, которой они руководят, находится в процессе возвышения и не достигла высшей ступени, на которой она м о г у щ е с т в е н н е е в с е г о»[3].

Наизусть я, естественно, этих цитат не помнила, листы, поднятые с пола, перепутались, рев стоял страшный, и силы мои и время мое истекли, и вместо всех заготовленных выписок о неизбежной победе слова я проговорила напоследок:

— С легкостью могу предсказать вам, что в столице нашей общей родины, Москве, неизбежны: площадь имени Александра Солженицына и проспект имени академика Сахарова.

Молчание.

Кто-то: И переулок имени Максимова.

Громкий хохот.

Я (потерявшись, замедленно): И тупик Юрия Яковлева.

Кто-то: Все это мы завтра утром услышим по Би-Би-Си...

Кто-то: Зачем завтра утром? Сегодня вечером.

Я: А почему вы так боитесь Би-Би-Си? Мы — страна победителей.

Молчание.

Я, вообразив, что разговор окончен, что более ни читать, ни писать мне не придется, сунула бумаги, дощечку, линзу, фломастеры в портфель и, наконец, села. Села за стол, ожидая последнего акта — голосования.

Но я ошиблась.

Снова поднялся Стрехнин.

Стрехнин: Скажите, Лидия Корнеевна, известна ли вам эта бумажка?

Я: Какая? Не вижу отсюда, что у вас в руках.

Стрехнин: У меня в руках ваша доверенность, отобранная на таможне советскими таможенниками при обыске у одного интуриста. Доверенность на имя лишенного гражданства бывшего советского гражданина Жореса Медведева. Это ваша рука?

Я: Да, моя. В своей доверенности я поручаю Жоресу Александровичу Медведеву получать в заграничных издательствах все причитающиеся мне гонорары. И хранить их на Западе.

Кто-то: А зачем вам деньги на Западе?

Я: Не понимаю вопроса. Собственными гонорарами я, как каждый литератор, имею право распоряжаться по собственному усмотрению. Но это не секрет. Деньги на Западе нужны мне для того, чтобы Жорес Александрович посылал мне оптические приборы и глазные капли, которые в Советском Союзе не производятся.

---

[1] П. Чаадаев. Пять неизданных «Философских писем». Письмо пятое. «Литературное наследство». Т. 22—24. М.: Жургаз, 1935, с. 49.

[2] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 44. М.; Л., 1932, с. 374.

[3] Там же. Т. 55. М., 1937, с. 27.

При ваших, т. Стрехнин, тесных связях с таможней и другими подобными же, близкими литературе, организациями, вы можете навести справку и удостовериться: ни одного доллара, франка или фунта стерлингов я из-за границы до сих пор не получила. Если сочту нужным — получу, но пока — нет. На мои западные деньги Жорес Александрович покупает в Париже и посылает мне сюда глазные капли. И вот это. (Я повертела в руках большую линзу.)

Кто-то (кажется, Рекемчук): А мы-то думали, вы там копите доллары на бла-го-тво-ри-тельность.

Я: Нет, я не так великодушна, как Александр Исаевич. Это он откладывает свои гонорары на общественные дела. А я всего лишь себе на лекарства.

Кто-то: Медведев за рубежом здорово, говорят, разжился. Уж глазные капельки мог бы вам и на свои деньги прислать.

Я: Неприличное занятие — считать деньги в чужом кармане. Мне неизвестно, беден или богат Жорес Медведев. Скажу только, что в тот период времени, когда он еще не располагал моими гонорарами, он посылал мне линзы и лекарства на свои... И я ему за это глубоко признательна.

Стрехнин: Скажите, Лидия Корнеевна, вот вы упомянули в своих высказываниях имя Максимова. А вы читали его книгу «Семь дней творения»?

Я: Нет, к сожалению, нет. К сожалению, в последние годы я вообще очень мало читаю — только то, что непосредственно относится к моей работе... Но впечатление силы и правды произвело на меня письмо Максимова в Союз Писателей. То, в котором он прощается с Союзом.

Кто-то: Это где он надеется на мальчиков с сократовскими лбами? Наморщив лбы, они пишут, пишут, пишут?

Я: Да, я разделяю надежду Максимова на наших мальчиков. В сущности, только на них[1].

С. Наровчатов: Приступим к голосованию, товарищи! Есть предложение: исключить с широким освещением в печати.

Других предложений нет? Голосуем.

(Все, кого я вижу, голосуют, сгибая правую руку в локте и чуть приподнимая вверх — словно прикладывая к козырьку.)

С. Наровчатов: Принято единогласно. (Мне, впервые повернув ко мне голову.) Вы — свободны!

---

[1] Письмо Владимира Максимова в Союз Писателей от 15 мая 1973 года — письмо, в котором он спрашивал: «Почему в стране победившего социализма пьянство становится общенародной трагедией? Почему за порогом полувекового существования страны ее начинает раздирать патологический национализм? Почему равнодушие, коррупция и воровство грозят сделаться повседневной нормой нашей жизни?» — это письмо кончалось так:

«Я прекрасно осознаю, что́ меня ждет после исключения из Союза. Но в конце пути меня согревает уверенность,— что на необъятных просторах страны, у новейших электросветильников, керосиновых ламп и коптилок сидят мальчики, идущие следом за нами. Сидят и, наморща сократовские лбы, пишут. Пишут! Может быть, им еще не дано будет изменить скорбный лик действительности (да литература и не задается подобной целью), но единственное, в чем я не сомневаюсь: они не позволят похоронить свое Государство втихомолку, сколько бы ни старались преуспеть в этом духовные гробовщики всех мастей и оттенков.

Со всей ответственностью —

В. Максимов».

Ирина СИМАКОВСКАЯ

ПРОДЮСЕР

— У вас бывают депрессии? — спросила я у Леонида Андреевича Сорочана.

— Никогда,— не раздумывая, ответил он,— я гоню их от себя и не переживаю подолгу из-за мелких неприятностей, а крупных у меня пока не было.— Сорочан постучал по столу.

Неужели действительно можно назвать мелкими неприятности в жизни человека, всю свою жизнь посвятившего созданию новых театров, художественных объединений, ассоциаций? Судите сами. Почти тридцать лет назад, организовав в Ленинграде мюзик-холл и доведя его до блеска, Сорочан принимает предложение Леонида Вениаминовича Якобсона основать и стать директором его — якобсоновского — будущего театра «Хореографические миниатюры». Якобсону было тогда уже много лет, а базы для воплощения его гениальных балетных идей не было. Взаимоотношения Л. В. Якобсона с властями оставляли желать, как принято говорить, много лучшего, Сорочан же стал посредником между гением балетмейстера и практическим его воплощением, между Якобсоном и властями. С того дня вместе с дружбой Якобсона — предметом гордости нашего героя — он возложил на свои плечи десятки симпатичных выговоров и перманентное закрытие недавно созданного театра. Не пустяк, однако! Или пожар в том же мюзик-холле за несколько дней до премьеры, уничтоживший все декорации и костюмы,— тоже мелкая неприятность? А война? Детство без родителей?.. Что и говорить, многим из нас жизнь, украшенная подобными мелочами, сказкой не показалась бы. Опустились бы руки, и вряд ли бы мы в шестьдесят пять выглядели на пятьдесят и на горных лыжах, наверное, не удержались бы. А уж о том, чтобы украсить свою квартиру коллекцией отреставрированной своими руками антикварной мебели — и говорить не приходится. Жизнь протекала бы в сочувствии к себе с неизменным шаржево-декадентским выражением на лице и с придающей значимость сигаретой.

Сорочан выбрал другой путь. Другую жизнь.

Получив образование в консерватории и достигнув некоторых успехов на музыкальном поприще, он обращается к другому виду деятельности и посвящает себя организаторскому искусству.

«Несостоявшийся музыкант стал функционером от искусства,— скажет недоверчивый читатель.— Знаем, знаем, на одного настоящего творца у нас слишком много администраторов...»

Призываю, однако, повременить с выводами.

Ничего не сделаешь, мы действительно привыкли к тому, что большинство культурных функционеров — чиновников, проще говоря,— препятствовало развитию наших искусств. Те, в чьей власти было разрешить или не разрешить, как правило, не разрешали. А тот, кто создавал, создавал как раз то, что, по исключению из правила, разрешали первые. Такая ситуация и привела к нашему сегодняшнему негативизму по отношению к людям, работающим в искусстве, но непосредственно искусством не занимающимся. И даже чудесный Филя — Филипп Филиппович Тулумбасов, директор Независимого театра из «Театрального романа»,— не возвращает нас навсегда к истинным представлениям об этом роде занятий. Само по себе это несправедливо. Талант живописца или режиссера редко соседствует в человеке с умением пробиться. Тут же возникает опасность непризнания таланта или даже его гибели. Чтобы этого избежать, рядом с ним должен быть талант проталкивания, талант пробивания, талант организационный, а в наших условиях, может быть, даже организационный гений. Он-то и устроит выставку графики, например, которая не только даст возможность художнику найти своего зрителя, но и накормит его. Откроет издательство. Создаст театр. Снабдит фильм техникой и людьми. Обеспечит артистов зарплатой, на которую можно жить. Он не даст погибнуть юной театральной студии, зажатой в жестокие тиски полного хозрасчета, потому что найдет денег — где-нибудь, но найдет и выкрутится. Пока еще в нашей жизни не нашлось почетного места для директора или администратора и их имена неизвестны широкому кругу. Но в развитом мире уважение к этой профессии сомнения не вызывает, и называется она — продюсер, предприниматель — слово, более благозвучное для русского уха.

Леонид Сорочан — профессиональный советский продюсер. Он был директором многих ленинградских театров (как директора его очень ценил А. И. Райкин), организатором Ленинградского мюзик-холла, одним из создателей олимпийского шоу в 1980 году, сейчас он у подножия нового колоссального предприятия, о котором речь пойдет немного позже, и так далее, и так далее. Но, может быть, главным делом отрезка прошедшей жизни была попытка практически воспроизвести талант великого Якобсона. Сорочан мог взяться за работу любой сложности, но при соблюдении нескольких условий. Он любил, да и по-прежнему любит, начинать с нуля — постепенно, по кирпичику на голой земле выстраивать свое дело. Плохо сделаешь — плохо будет, хорошо — хорошо. Другое условие — предпринимаемое дело должно не только его вдохновлять, но и иметь грандиозные масштабы, иначе не взлететь птице с размахом крыльев Сорочана. В рекордные на самом деле сроки для Якобсона были построены репетиционные помещения, со всего Союза собрана труппа, сразу получившая квартиры в Ленинграде. Артисты были обеспечены хорошей зарплатой, зал — зрителями. Плюс борьба за жизнь театра — кропотливая и упрямая. Именно это относительное равновесие, установленное Сорочаном, позволяло Якобсону ставить балеты, что обогащало мировую хореографию и безгранично радовало зрителей.

Что же сейчас, во времена перестройки?

Если раньше энергия Сорочана направлялась иногда приказом партии и правительства и не в «мирных целях» (он был организатором театрализованного представления «Малая земля» — подарка Л. И. Брежневу к XXVI съезду партии, кстати, Сорочан не стесняется об этом вспоминать, потому что и в это был вложен огромный труд — часть жизни),— то теперь совсем недавно он возглавил организацию, цели которой так благородны, что им под силу оправдать несколько жизней, не говоря уж об оправдании всех «Малых земель» в жизни Леонида Сорочана. Тем более что их было немного. Сорочан создал и возглавил Международную ассоциацию деятелей культуры «Новое время». Главное, чем будет заниматься эта организация,— развитие культурных связей с русским зарубежьем.

— Спроси сейчас любого молодого человека, кто такой Рахманинов, кто такой Р. Нуриев, и многие не ответят. Не знают. А мы хотим,

чтобы как можно больше людей у нас в стране не только знали, кто такие были Шаляпин, Рахманинов, В. Некрасов, но и что живы В. Войнович, А. Солженицын, М. Барышников. Нужно, чтобы у нас, по крайней мере, увидели этих ныне здравствующих людей. Пусть М. Барышников и Р. Нуриев здесь не живут, но они должны чувствовать себя в России хозяевами, как и все мы, а не гостями. Да и им самим хочется, чтобы их знали на родине. Наша задача — соединить культуры всех четырех русских эмиграций. А для тех, кто захочет вернуться, мы организуем в Москве фонд помощи. Это и необходимо, и возможно.

Международной ассоциации деятелей культуры «Новое время» предшествовала Московская ассоциация искусств — дело рук того же Сорочана. Без лишних слов она взяла на себя функции постепенно атрофирующихся Гос- и Росконцерта. Московская ассоциация собрала под свое крыло десятки творческих объединений, в том числе театральные студии, самостоятельных музыкантов, художников, архитекторов. Ассоциация координирует деятельность всех этих людей и финансирует ее. Последнее особенно важно, потому что полный хозрасчет в искусстве порой искусство-то и убивает. А Московская ассоциация дает залы, оплачивает репетиционный процесс, заказывает костюмы и декорации. В ее планах создание Детской академии. Полученное в ее стенах образование юридически будет равноценно образованию средней школы, хотя, по существу, будет значительно отличаться от него упором на гуманитарные дисциплины. В будущем, может быть, станет возможен отказ от некоторых общеобразовательных предметов для того, чтобы больше времени посвящать занятиям живописью, музыкой, скульптурой, языками, богословием. Кроме того, Московская ассоциация искусств занимается организацией гастролей советских исполнителей за рубежом и зарубежных у нас.

Итак, работа Московской ассоциации искусств отлажена. Президент Л. А. Сорочан, с гордостью оглядев очередное свое удавшееся дитя, устремляется дальше. Появилась Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время».

— Пока мы занимаемся только тем, что берем на себя хлопоты о бывших наших соотечественниках, прибывающих на короткое время в СССР. Приезжает, например, Василий Аксенов. Мы встречаем, организовываем концерты, обеспечиваем видеостудией. Кстати, для того, чтобы масштабы таких хлопот уменьшить, лучше ни от кого не зависеть. Поэтому мы будем строить свои гостиницы, свой клуб, свой ресторан и даже свой парк. Вы себе и представить не можете, как сейчас у нас трудно договориться, чтобы кого-нибудь поселить или покормить. Это к слову. А первой самостоятельной акцией ассоциации «Новое время» будет необычный, по нашим представлениям, фестиваль творчества П. И. Чайковского. ЮНЕСКО объявило 1990 год — его годом. Чайковскому мы и хотим посвятить бал-фестиваль в одном из пригородов Ленинграда летом этого года. В каждом уголке парка ансамбли и маленькие оркестры будут играть музыку Петра Ильича. По парку будут прогуливаться актеры, облаченные в костюмы конца XIX века. На озере должна быть установлена большая сцена, на которой будут показаны фрагменты «Лебединого озера» и «Спящей красавицы». В «Лебедином» будут участвовать не пятьдесят балерин, как обычно, а пятьсот. Обратимся с просьбой к Ю. П. Любимову поставить 1 акт «Пиковой дамы». На бал приглашаются великие артисты мира: хочу, чтобы в фестивале принял участие М. Барышников, чтобы Р. Нуриев показал своего «Манфреда» на музыку Чайковского, чтобы «Лебединое озеро» и «Спящую красавицу» поставила Елена Чернышова — директор Венской оперы. Ведутся переговоры об участии в фестивале Л. Казарновской и П. Доминго. Будут приглашены члены королевских семей. Думаем устроить трансляцию нашего бала по телеканалам всего мира. Голливудская компания хочет взять монополию на съемки фильма о фестивале. Спонсорскую деятельность осуществят, по всей вероятности, западные немцы.

У вас, уважаемый читатель, закружилась голова? У меня, признаться, закружилась. Придя в себя, я задала Леониду Андреевичу вопрос, который задавала себе на протяжении всей нашей беседы:

— Леонид Андреевич, как вам все это удавалось и удается? В то время, когда все измучены бюрократическими тисками, когда любую живую мысль обрекают на вакуумное существование, когда на корню погибло столько удивительных начинаний и личностей, когда возможность организовать что-то новое стремилась к нулю,— как вам удалось столько сделать?! Почему теперь, когда вы задумали небывалый для нашей страны фестиваль, а совершать шажки (что говорить — шаги) по-прежнему трудновато, вы опять ничего не боитесь?! Почему? Почему вам удается, а другим нет? Может быть, у вас есть сильная поддержка?

Сорочан почти смущенно улыбнулся:

— Я не знаю... Наверное, потому, что я действительно ничего не боюсь... Где угодно, на любой луне я знаю, что все равно организую какую-нибудь международную ассоциацию, и все будет нормально. Я просто, делая свое дело, честно иду. Мне везло — попадались хорошие люди, которые помогали, которых и уговаривать-то особенно не приходилось. Помогали, потому что болели за дело. Или потому, что я приглашал их на премьеру. А власти... Власти тоже раньше болели, за свой город например. Но и к тем, которые не болели, я входил абсолютно спокойно. И всегда добивался того, что нужно. Сейчас — другое дело. Сейчас всем на тебя наплевать. Вот сегодня действительно все продается и покупается. Но и опять в любой инстанции я добиваюсь своего. Нужно быть уверенным в себе, решительным, смелым, сильным.

...И все равно мне, например, до конца не понятно, КАК и ПОЧЕМУ? Ведь иногда говорят «нет» и выгоняют из кабинета, тогда идешь в другой, там тоже — «нет», и этот кабинет — последний... Не знаю. Наверное, Сорочану дан божий дар. Плюс конечно же обстоятельства — не без них. Может быть, вопреки здравому смыслу нищенствование вместе с матерью в детстве, потом сиротство и детский дом, юность в опекунской семье создали для нас Леонида Сорочана или он сам создал себя?

Смелость, граничащая с авантюрой, страсть к жизни и к размаху, умение работать и жажда созидать — вот то, что нравится в нем. И колоссальная энергия.

Всего около десяти лет он живет в Москве. И хотя, по давнему утверждению Булгакова в «Театральном романе», большей популярности, чем у Филиппа Филипповича, «не было ни у кого в Москве и, вероятно, никогда не будет», Сорочан становится фигурой очень популярной. И если его детище — Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» — вырастет до величины, задуманной ее создателем, то сможет поспорить с популярностью самого Фили.

Но, может быть, вы, уважаемый читатель, еще сомневаетесь в этом?..

Дмитрий Краснопевцев. ИЗ ЗАПИСОК ХУДОЖНИКА

(продолжение)

* * *

Стандарт существовал всегда, он не был таким всеобъемлющим, таким подавляющим и бездушным, как сейчас, но он был.

И всегда существовало желание в человеке уйти от стандарта, была тяга к необычному, оригинальному, чудесному (это почти синонимы). И от дикаря до современного человека эта тяга есть желание чуда — невозможного, невиданного — всего того, что могло бы опровергнуть наш опыт, привычку, наши стандартные представления. Вот целый пляж из камней, и все разные (природа творит вручную), и все похожи друг на друга и вдруг — особенный, непохожий, уродец — он привлечет и дикаря, который сделает его амулетом, фетишем, божком, и коллекционера, который поставит его на полку среди других редкостей. На несхожести, редкости, уникальности основано коллекционирование; предпочтение одного перед другим часто по мельчайшим отличиям, видимым только знатоку, а за всем этим глубоко заложенная в нас неприязнь к обычному и жажда чудесного. Повторимое, повторяющееся чудо очень скоро перестало бы быть чудом, его бы узаконили, и интерес исчез.

* * *

То, что порой приводит нас в восхищение своей живописностью, мягкостью, гармонией,— все это очаровательное «сфумато» есть зачастую только работа времени, которое неумолимо переписывает по-своему картины, иконы, фрески, статуи, стены домов и предметы: сглаживает контуры, высветляет и утемняет краски, наносит пятна и потеки, проводит борозды и трещины — методично, не спеша творит свою гармонию, пока не сотрет наконец все начисто, как бы недовольное своей работой.

Художник не должен заниматься этой работой, сразу же делать вещи старыми, покрывать их живописной патиной — это сделает за него время и, прежде чем уничтожить совсем его произведение, проведет по многим переходам своей «живописи», покроет не одним слоем лака, проведет от зеленого лета к расцвеченной всеми красками осени, чтобы забелить наконец все снегом.

Прошлое — единственное наше достояние. Будущее — неведомо, настоящее — неуловимо. Возникая, оно тут же становится прошедшим. Прошедшим, но не прошлым. Оно еще не устоялось — все сыро, шумно, обременено случайными деталями — это пока только лишь материал, из которого время создаст картины прошлого.

И вот они появляются: одна, другая, третья — портреты, пейзажи, интерьеры, сцены, сложные композиции,— оказывается, все сохранилось — воздух, свет, краски, лица людей и домов, леса и реки, зимы и весны, дни и ночи — все вплоть до запахов, до очертаний облаков. Но все пришло в порядок, отлилось в устойчивые формы. Картины развешаны, вставлены в рамы, покрыты лаком, в них уже ничего не изменишь, не перепишешь — целая галерея картин — наше прошлое.

* * *

Почтительно следовать природе, с восторгом и изумлением, означает писать под диктовку Бога, повторять за ним некий отрывок из его великой книги. И, когда ты пишешь и говоришь в унисон, веришь, что не ошибся, тебя охватывает радость способного ученика, радость преданного раба, который понял учителя и господина своего, его волю и намерения. Это — растворение и подчинение. Но большая радость дается тем, кто не повторяет, подчас бездумно, учителя и господина, а переводит, трансформирует виденное, выбирает, комбинирует по-своему, вступает в спор. Это уже диалог, это почти на равных. Почти. В этом непослушании, «бунте», возможно, и поражение, как в борьбе Иакова с ангелом.

Но учитель зачастую больше любит непокорных, но смелых, пытливых учеников, разрешает и открывает им то, чего никогда не будут знать повторяющие его слово в слово.

* * *

Смешная и глупая забота иных художников — быть современными. Попробовали бы они не быть ими. Даже копии и те всегда современны, то есть принадлежат тому или иному — одним словом, своему времени.

* * *

Картина тоже есть автограф, только более сложный, пространный, многослойный. И если по автографу, по почерку определяют (и не безуспешно) характер, состояние и чуть ли не болезни писавшего, если этой дешифровкой не пренебрегают даже криминалисты, то картина дает несравненно больше материала для догадок и заключений о личности автора.

Давно замечено, что портрет, написанный художником, есть одновременно и его автопортрет, это простирается и дальше — на любые композиции, пейзажи, натюрморты, на любые жанры, а также на беспредметное, абстрактное искусство, на все, что бы ни изображал художник. И при любой его объективности, бесстрастии, при желании уйти от самого себя, стать безличным ему не удается скрыться, его творение, его почерк выдаст его душу, его ум, сердце, его лицо.

* * *

Как-то я задумал купить скрипку, не для игры, а чтобы ее рисовать.

Она могла быть с дефектами, почти сломанная, без струн, лишь бы была красивая формой. Но все красивые, на мой взгляд, скрипки оказались очень дороги, а некрасивые мне не нужны. Позже я узнал от музыкантов-скрипачей, что у красивых с виду скрипок и бывает настоящий красивый голос, а некрасивую можно и не пробовать — в ней нет звука и души.

* * *

Если «чужая душа — потемки», как часто говорят, то что же сказать о своей душе? «Я знаю все, но только не себя»,— писал Вийон. Чужая душа видней, несмотря на потемки — есть обозрение, отход, а к познанию себя отхода нет.

Завет древних «познай самого себя» неимоверно труден, почти неисполним. Сразу же начинаются бесконечные сделки с совестью, умом, со своими недостатками, и мы превращаемся в блистательных адвокатов, защищающих все то, что подлежит осуждению, допускаем всяче-

ские скидки, и, уж если совесть и беспристрастие начинают побеждать, то просим о снисхождении, о помиловании, учитывая и принимая во внимание то, что не заслуживает внимания.

Когда же мы судим чужую душу, то роль прокурора, обвинителя удается нам еще лучше, чем роль адвоката.

* * *

Картина — остров, независимый остров — государство, живущее по своим законам, под своим флагом.

* * *

Трудно, невозможно не видеть главные черты нашего времени, не замечать этот безудержный технический «прогресс», порождающий неисчислимые беды, ускользающий из-под контроля разума и все предполагаемое добро превращающий в зло.

Бесконечные научные открытия и изобретения, рождаемые присущим человеку любопытством и пытливостью, при их реализации тут же оборачиваются и становятся злом и пагубой, и меру этого зла невозможно предвидеть.

Непомерно растущее количество людей, живущих без смысла, без веры, мешающих, портящих жизнь себе и себе подобным, производящих ненужные, бессмысленные и вредные вещи, бездумно, безжалостно потребляющие и вытаптывающие созданное до них и саму природу и уже готовые истребить себя и все вокруг.

Немыслимые скорости, неравновесие, непостоянство, спешка, грязь и отрава всему и бесконечный, неутихающий, отупляющий шум. Все это растет, ширится и ползет по лицу земли — проказа «прогресса».

Многие, большинство людей, уже не могут жить вне этой одуряющей их сутолоки, спешки и шума. Они не переносят тишины, отсутствия себе подобных, не могут жить без постоянного звука радио, оглушающей музыки, газет, мелькания телевизора, телефонных звонков и, даже отправляясь на прогулку в лес или на берег моря, берут с собой портативные орущие коробки, их страшат и гнетут паузы в привычном, постоянном шуме. Они не замечают, что заражены, больны страшной болезнью, у которой нет пока имени. Но есть и другие люди, невольно втянутые в этот бешеный круговорот, они задыхаются, стремятся из него вырваться, хотя б ненадолго, чтобы иметь возможность перевести дух, осмотреться, побыть в тишине, одиночестве, сосредоточиться — увидеть небо над головой, не расчерченное проводами, звезды, как великое чудо, а не предмет космических исследований, чистую воду в чистых берегах, цветы, деревья, травы. Они стремятся, чтобы в них родилось чувство, родственное тому, какое испытывает человек, попавший из шумной людской толпы в полупустой, прохладный, величественный храм.

И мне кажется, нет, я в этом уверен, что искусство нашего времени в силу необходимого и желанного контраста, как никогда прежде, требует тишины. Величавое, строгое, уравновешенное, оно должно пробуждать в нас чувство покоя, порядка, постоянства и прочности — всего того, чего лишены мы в этой безумной, уродующей души повседневности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: **9.** Меченосец. **10.** Светланов. **13.** «Шехеразада». **14.** Исаковский. **15.** Диана. **16.** Герасимов. **18.** Алтай. **20.** Сок. **22.** Баскетбол. **24.** «Риголетто». **25.** Нигерия. **26.** Овраг. **28.** Идеал. **29.** Титан. **30.** Буква. **31.** Буфет. **34.** Анзоб. **37.** Артишок. 40. Индигирка. **41.** Конвертер. **42.** Рис. **44.** Камин. **45.** Касаткина. **46.** Ажаев. **49.** Страдивари. **50.** Тетралогия. **51.** Антиномия. **52.** Альбатрос.

По вертикали: **1.** Ветеринар. **2.** Решетников. **3.** Роман. **4.** «Декамерон». **5.** Евпатория. **6.** Строй. **7.** «Марсельеза». **8.** Доминанта. **11.** Палас. **12.** Финик. **17.** Совет. **19.** Стратегия. **21.** Богданова. **23.** Литавра. **24.** Рисунок. **27.** Гит. **28.** Ива. **32.** Унификация. **33.** Визит. **35.** Окружность. **36.** Андантино. **37.** Аквамарин. **38.** Копнитель. **39.** Телевизор. **42.** Разин. **43.** Скетч. **47.** Шифон. **48.** Самба.